

№6
Июнь 2014

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽¹⁰⁴⁾
Июнь 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ. ФОТОРЕПОРТАЖ
6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
8 ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ
10 У ДИАЛОГА АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
14 ПО ВОЛЕ ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ
16 ВСПОМИНАЯ ОКУДЖАВУ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
20 ТРИ СЕКУНДЫ И ВСЯ ЖИЗНЬ
АРСЕН ЕРЕМЯН
24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
29 ИМЕНЕМ ПУШКИНА
32 «ТРИ КАРТЫ» ИЗ ПРОШЛОГО
МАРИЯ КИРАКОВОСА
36 «ПОЮТ И БУДУТ ПЕТЬ»
39 ЕГО УДЕЛ – БЕССМЕРТИЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
42 ОНА ИЗЛУЧАЛА СВЕТ...
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
44 НЕПЕРЕВОДИМОЕ ВОЗМОЖНО
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
47 ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ
48 ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
МАРИЯ ФИЛИНА
50 НЕПОВТОРИМАЯ МАЙЯ
ПАОЛА УРУШАДЗЕ
53 СВЕЧИ ВОСПОМИНАНИЙ

На обложке – Специальный представитель премьер-министра
Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией ЗУРАБ АБАШИДЗЕ

Фото – Александр СВАТИКОВ

День независимости Грузии в этом году был отмечен в 12 городах страны по единому сценарию. В Тбилиси состоялись праздничные выставки, народные гуляния, концерты. На площади Свободы 200 новобранцев приняли торжественную присягу. Праздничные мероприятия завершились фейерверком.

ОТ ДО

ПОСЛЕДНИЙ КЛАССИК

Ни о ком не говорили так много противоречивого, как о гениальном немецком композиторе Рихарде Штраусе, которому в этом месяце исполнится 150 лет. Характер у него действительно был, мягко говоря, непростой. Великий итальянский дирижер Артуро Тосканини как-то о нем гневно сказал, что перед композитором Рихардом Штраусом он снимает шляпу, а перед человеком – надевает десять. К тому же во времена нацистов он вполне был почитаем и благоденствовал, что вызывало гнев современников. Штраус даже занимал должность президента Имперской музыкальной палаты. За что

впоследствии предстал перед судом, но был оправдан. Его считают последним представителем позднего немецкого романтизма и, по выражению критиков, последним классиком... Он родился в строгой семье валторниста Придворного оперного театра Мюнхена, где даже оперы Вагнера считались музыкой низкого сорта. Способности у Рихарда проявились еще в детстве. А в 21 год

он уже встал за дирижерский пульт, заменив самого Ганса фон Бюлова. Тогда же Штраус стал сочинять свои симфонические поэмы. И сразу же, и на всю жизнь стал очень знаменитым, популярным... и неоднозначным – одна половина публики рукоплескала, другая шикала. В Америке его оперу «Саломея» даже пришлось прервать из-за протестов. Но Штраус продолжал писать много разнообразной музыки, не сдаваясь и не пытаясь кому-то угодить. Он даже перед самой войной написал вызывающе пацифистскую драму «День мира», что вызвало гнев фашистских бонз. Что касается его якобы антисемитизма, то эта напраслинка преследовала Штрауса всю жизнь. Ведь невестка маэстро была еврейкой, внуки полуевреями, евреем был и ближайший друг – выдающийся писатель Стефан Цвейг. И коллегам из оркестра он помогал скрываться, выделяя немалые личные средства на побег от гестапо...

Непросто складывалась жизнь у этого «баловня судьбы и любимца муз». О нем говорили, что в 24 года он достиг своего пика в гениальном «Дон Жуане», а потом всю жизнь плавно снижался, впрочем, никогда не опускаясь ниже уровня музыки выдающейся. О себе он как-то сказал: «Может быть, я не являюсь первосортным композитором, но я – первоклассный второсортный композитор!» А повсеместно известным Рихарда Штрауса сделали звонкие трубы из его «Заратустры». Их мы знаем из фильма «Космическая одиссея 2000» и музыкальной заставки к телеигре «Что? Где? Когда?»

ОН ТОЖЕ ПОМНИЛ «ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ»...

А вы знаете, что великий русский композитор Михаил Иванович Глинка свой прекрасный романс «Я помню чудное мгновенье» тоже посвятил мадам Керн? Нет, не пушкинской музе, а ее дочери – Катеньке Керн. Они встречались больше десяти лет, но так и не поженились – помехой стал его талант, его поглощенность творчеством и невероятная работоспособность. Как и многие гении, Михаил Иванович не был счастлив в семейной жизни. Он и в прежнем браке не встречал понимания. Когда после Девятой симфонии Бетховена Глинка потрясенный и в слезах возвращался домой, его простоватая жена Марья Петровна щебетала о свиных котлетках, которыми их дома попотчуют... Этот выходец из обрусевших смоленских поляков прожил чуть больше пятидесяти лет, но, как говорил перед смертью: «Хоть всю жизнь беспрестанно работал – всего задуманного не успел». Но кое-

что он все-таки успел – Глинка стал создателем русского национального симфонизма и автором прекрасных опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», симфонической фантазии «Комаринская», немало числа камерно-инструментальных произведений и десятков русских романсов. А еще он сочинил «Арагонскую хоту» – ставшую национальным гимном испанской провинции. Талантом Глинки восхищались европейские знаменитости Гектор Берлиоз, Беллини, Доницетти. А знаменитый Франц Лист переложил его «Марш Черномора» на фортепиано и часто исполнял в своих концертах. Михаила Ивановича удостоивали своей дружбой Пушкин, Жуковский, Дельвиг, Одоевский. На пирушке по поводу премьеры оперы «Жизнь за царя» они ему посвятили торжественный шутиливый канон:

«Пой в восторге, русский хор!
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! Наш Глинка –
Уж не глинка, а фарфор!»

А еще его гувернером был пушкинский друг детства и будущий декабрист Вильгельм Кюхельбекер. Михаилу Ивановичу Глинке 1 июня исполнилось 210 лет.

ГЕНЕРАТОР РЕФОРМ ИЗ ТИФЛИСА

В нашем прекрасном южном городе 29 июня 1849 года родился, наверное, один из самых успешных российских государственных деятелей – Сергей Юльевич Витте. Его отец был крупным губернским чиновником из курляндских дворян, а мать – русской аристократкой из рода Долгоруковых. Сергей плохо учился в гимназии, плюс была единичка по поведению. Для получения приличного аттестата пришлось доучиваться в кишиневской гимназии – там требования были меньше. А потом был физико-математический факультет одесского Новороссийского университета, диплом с отличием и кандидатская диссертация.

Будущий премьер Российской империи был по складу абсолютным «технарем» и не жаловал гуманитариев. Но профессорская кафедра, на которую нацелилось юное дарование, от него ускользнула — после смерти отца и деда нужно было кормить семью. Мать использовала свои связи, и Сергей получил место на «чугунке» — железной дороге. Молодой Витте начал с «низов», а через пять лет уже возглавил службу эксплуатации Одесской железной дороги. Во время Русско-турецкой войны он с таким блеском организовал сверхплотный график прохождения военных эше-

ловнов, что его забрали в столицу. А позднее дали назначение в Киев, где вдаль от завистливых глаз он сделал потрясающую карьеру — за десять лет Юго-Западные железные дороги увеличили прибыль в 30 раз! Но карьеру Витте помог случай — император Александр III спешил на юг. И у Сергея Юльевича потребовали для максимальной скорости дополнительный паровоз. Но получили ответ, что он не позволит Государю «свернуть себе шею». Император рассердился, но через год после ужасной катастрофы, когда едва остался жив, вспомнил смелого железнодорожника и назначил его сначала начальником Департамента железнодорожных дел, затем министром железнодорожного транспорта, а затем и министром финансов. Так началась одна из самых блестящих карьер. Витте оказался гениальным и циничным менеджером, с потрясающей деловой хваткой, умением просчитывать ситуации, разбираться в людях и выбирать сотрудников, а также не лишенным умения интриговать, что сделало его сверхуспешным. А еще он был подлинным государственным, за что его уважал и отмечал своей дружбой Александр III, которого Витте наедине называл просто по имени-отчеству. Вот основные достижения Витте: при нем бюджет страны вырос на полмиллиарда, выросла добыча угля — в 3 раза, нефти — в 2 раза, выплавка стали — в 2,5

раза, железные дороги строились по десять тысяч верст в год, началось строительство Транссиба и КВЖД, введен золотой империал, основывались политехнические институты и училища, начато освоение Северного морского пути и, наконец, именно он написал знаменитый царский Манифест об учреждении Государственной Думы. Хотя, со следующим царем — Николаем II у него были неважные отношения. Витте относился к Ники с нескрываемым презрением, а молодой государь его попросту ненавидел, но обойтись без него не мог. В итоге, реформы строптивного министра, хоть и туго, но шли. Кстати, большевики продолжили многие из них — в наркомате финансов у Сокольников работало немало птенцов гнезда великого российского премьер-министра Сергея Витте — уроженца тифлисского района Сололаки...

ПРОСТО ЖИЗНЬ МОЯ МАНЕЖ...

Так пел знаменитый и, пожалуй, самый обаятельный российский бард Юрий Визбор. 20 июня ему бы исполнилось 80 лет. Журналист, поэт, писатель, киноактер, путешественник и альпинист — и во всех этих областях он оставил свой след. Но прежде всего, Визбор стал основателем движения авторской песни, он написал более 300 песен. Сейчас это трудно представить, но он начал раньше, чем Окуджава, Галич или Высоцкий. Кассеты с его песнями пошли по стране первыми — сказывалась журналистская хватка и умение «подать материал». Но не организацией «магнитофонного самиздата» запомнился Юрий Иосифович, прежде всего мы помним его песни, его неповторимую доверительную интонацию, приятные мелодии и доходчивые стихи. А еще все запомнили его кинороли в фильмах Марлена Хуциева, Ларисы Шепитько и, конечно же, роль партайгеноссе Бормана из «Семнадцати мгновений весны»...

Великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов родился 1 июня 1844 года. Этот удивительно тонкий, лиричный и дружелюбный художник любим почти всеми почитателями живописи. И хотя он родился в Петербурге, его своеобразной «визитной карточкой» стала картина «Московский дворик», которую Поленов написал с натуры в арбатских переулках. Он родился в семье ученого археолога и детской писательницы, но руководила его образованием бабушка — Вера Николаева Воейкова, очень глубокий и эрудированный человек. Она же первая заметила его художнический дар. По окончании гимназии молодой Поленов поступил на физмат университета, параллельно посещая занятия в академии живописи. Но со временем, тяга к рисованию перевесила, и Василий оставил университет. Его первые живописные работы сразу привлекли внимание взыскательной публики, и молодой художник получил возможность пройти стажировку в Европе. Затем Поленов перебрался в Мо-

скову, где стал преподавать и помогать организовывать передвижные выставки. Как «передвижник», Поленов стал очень популярен, особенно, когда создал свой особый жанр «интимного пейзажа». А публике нравились его картины на евангельские темы. Он много путешествовал по России и разным странам, пока не осел в своем имении Борок на Оке почти напротив знаменитой Тарусы. Там он все обустроил по своему вкусу, и дом, и сад, и парк. Во все периоды жизни Поленов был человеком неконфликтным, хотя и не поступался никогда своими принципами. Но лучше всего о нем говорят его прекрасные и добрые картины.

Роб АВАДЯЕВ

ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ
«ЦИСАРТКЕЛА. ЮНОСТЬ ПОЭЗИИ»

25 июня – 4 июля 2014 года

Тбилиси – Мцхета – Цхалтубо
– Багдади – Кутаиси –
Шекветили – Батуми – Поти

25 ИЮНЯ, среда

Заезд участников фестиваля.

Размещение в гостинице.

Малый зал Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Спектакль Театра-студии юного актера «Золотое крыльцо» «Мое милое привидение» (Стихи Н. Квицинадзе, музыка Т. Джаиани)

26 ИЮНЯ, четверг

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.

Автобусная обзорная экскурсия по городу.

Пешеходная экскурсия по Старому городу.

«Литературная богема старого Тбилиси» - к 125-летию со дня рождения Народного поэта Грузии, академика Академии наук Грузии Иосифа Гришашвили.

Посещение Национального музея истории Грузии им. С. Джанашия.

Пресс-конференция в Тбилисском Международном пресс-центре РИА Новости.

Зеркальный зал Тбилисского Дворца учащейся молодежи. Торжественное открытие фестиваля.

Презентация слайд-шоу о Грузии и грузинских поэтах.

27 ИЮНЯ, пятница

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Экскурсия в древнюю столицу Грузии г. Мцхета. Посещение монастыря Джвари. Поэтические чтения. Возложение цветов к памятнику М.Ю. Лермонтова на Военно-Грузинской дороге. Посещение храма Светицховели.

Посещение Тбилисского Этнографического музея под открытым небом.

Прогулка по парку Мтацминда.

Музыкально-поэтический вечер «Стихи и песни о Тбилиси».

28 ИЮНЯ, суббота

Отъезд в Цхалтубо.

Посещение пещер «Прометей».

Отъезд в Шекветили.

29 ИЮНЯ, воскресенье

Отъезд в Багдади.

Посещение дома-музея В.В. Маяковского. Поэтические чтения.

Посещение храмов Баграти и Гелати.

Кутаиси. Возложение цветов к памятнику В.В. Маяковского перед зданием Кутаисской публичной школы №1 (бывшей Первой кутаисской гимназии). Выступление детского танцевального ансамбля.

Отъезд в Шекветили.

30 ИЮНЯ, понедельник

Поэтические чтения «Стихи у моря». Ведущая – Алина Талыбова (Азербайджан) и Елена Есаева (Россия).

Творческая лаборатория. Ведущие – Михаил Яснов (Россия) и Заза Абзианидзе (Грузия). Презентация книг М. Яснова и З. Абзианидзе.

Концерт детского художественного ансамбля «Бзикеби».

1 ИЮЛЯ, вторник

Поэтические чтения «Стихи у моря». Презентация книг участников фестиваля. Ведущая – Гулико Салуквадзе (Грузия).

Творческая лаборатория. Ведущие – Елена Скульская (Эстония), Валентина Поликанина (Беларусь). Презентация детского литературного журнала «Згваури» (Батуми). Главный редактор – Бела Кебурия.

Поездка в парк развлечений «Цицинатела».

2 ИЮЛЯ, среда

Поэтические чтения «Стихи у моря». Ведущие - Маквала Гонашвили и Нино Андроникашвили (Грузия). Экскурсия по озеру Палеостомо.

Вечер художественного экспромта «У костра». Ведущий – Заза Абзианидзе (Грузия).

3 ИЮЛЯ, четверг

Отъезд в Батуми.

Обзорная экскурсия по городу.

Батумский бульвар. Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.

Посещение Дельфинария.

Торжественное закрытие фестиваля в Батумском государственном драматическом театре им. И.Чавчавадзе. Ведущие – Маквала Гонашвили (Грузия), Бела Кебурия (Грузия), Елена Скульская (Эстония).

4 ИЮЛЯ, пятница

Отъезд участников фестиваля.

▲ Зураб Абашидзе

У ДИАЛОГА АЛЬТЕРНАТИВЫ НЕТ

Гость «Русского клуба» - Специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией Зураб Ираклиевич Абашидзе. Корреспондент «РК» побеседовала с ним на актуальные темы, касающиеся перспектив развития отношений между двумя странами.

- Зураб Ираклиевич, когда полтора года назад вас назначили на должность Специального представителя премьер-министра Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией, вы воздерживались от каких-либо комментариев по этому поводу. Но вот прошло время и можно подводить первые итоги.

- Эта должность была создана новым правительством после парламентских выборов первого октября 2012 года. Новое правительство и, прежде всего, Премьер-министр Бидзина Иванишвили, выступили с инициативой начать прямой диалог с Россией. В связи с моим назначением на должность Специального представителя Премьер-министра Грузии по связям с Российской Федерацией, эмоции в обществе были самые противоречивые: от чересчур оптимистических до весьма пессимистических. Умеренная позиция была не у многих: одни ждали быстрых подвижек, другие считали, что вообще ничего не получится. Поэтому, когда Россия сделала ответный шаг и мы договорились встретиться в декабре 2012 года, нами были сделаны заявления о том, что быстрых результатов, особенно по таким сложным вопросам, как Абхазия и Южная Осетия, то есть, конфликтным регионам, ждать не следует. Предстоит долгий путь, медленное продвижение. На этом пути нас ожидают немалые сложности, так что нужно воздержаться от чрезмерных ожиданий. И до сих пор, когда мы говорим о российско-грузинских отношениях, мы начинаем именно с этого и заканчиваем тем же: давайте будем прагматичными, не надо создавать иллюзий. С

российской стороны подход такой же.

Наше правительство унаследовало, без преувеличения, катастрофическое состояние российско-грузинских отношений, что стало результатом войны августа 2008 года и признания Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии. Дипломатические отношения оказались прерванными, никаких межгосударственных связей не было. Единственное место, где встречались официальные представители России и Грузии, - это Женевские международные консультации. Это важнейший, подчеркнутый формат, где обсуждаются вопросы, связанные именно с конфликтными регионами, с вопросами безопасности, проблемами гуманитарного характера. Встречи проходят раз в три месяца. Это консультации, как известно, с участием представителей таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ, Евросоюз. В них принимают участие и американцы, а также представители де-факто властей Абхазии и Южной Осетии. Но вот мы начали и прямой диалог. Мы не называем это ни переговорами, ни консультациями, нет раундов... Короче говоря, это встречи неформального характера. Мы встречаемся в Праге, в неформальной обстановке - без галстуков. В этих встречах принимают участие по одному представителю наших МИД-ов. Поняли ли вы задумались: «О чем же мы будем говорить? Какие темы рассматривать? Если сразу начнем обсуждать проблему Абхазии и Южной Осетии, разговора не получится. Россия признала их как независимые государства, и сегодня-завтра это решение, видимо, останется неизмен-

ным». В то же время в России понимают, что мы с этим никогда не смирился. Вот такой заколдованный круг получается! Что делать? С другой стороны, говорить о проблемах, обсуждаемых в Женеве, тоже не имело смысла. Нельзя дублировать столь важный формат. Поэтому был выбран иной путь: обозначить и потихонечку, шаг за шагом решать практические вопросы, интересные и для российской, и для грузинской сторон.

- *Что имеется в виду под практическими вопросами?*

- Это торгово-экономические связи, гуманитарные вопросы, транспортные проблемы. Мы сделали небольшую инвентаризацию и начали понемногу продвигаться вперед. После 2006 года возник очень серьезный дисбаланс в торгово-экономической сфере. Россия ввела эмбарго на ввоз грузинских товаров, то есть наш экспорт на российский рынок не поступал. В то же время около 200 российских компаний чувствовали себя в Грузии хорошо как до 2006 года, так и до и после войны 2008-го. Против них ни бывшие власти, ни нынешнее руководство ничего плохого не предпринимало и не собирается предпринимать. Но для нашего экспорта дверь на российский рынок была закрыта. То же самое можно сказать и о российских визах для наших граждан. До 2011 года виза для российских граждан оформлялась в аэропорту по прибытии в Грузию. Теперь не нужно и этого: чем больше туристов прибывает в Грузию, тем лучше. Эту ситуацию с российскими визами тоже нужно было как-то изменить. Существовала несправедливость и в области транспорта. Если говорить о наземных перевозках грузов, то российские компании в этом принимали участие – через контрольно-пропускной пункт Верхний Ларс. А у наших не получалось – опять-таки из-за виз, других проблем. В этих перевозках – кстати, очень прибыльное дело! - участвовали армянские, азербайджанские, турецкие компании... Словом, все, кроме грузинских. Почему? Я напомним, что в 2011 году Грузия поддержала вступление России во Всемирную торговую организацию. Так что соблюдать международные нормы в торгово-экономических связях необходимо! Вот мы и стали заниматься всеми названными вопросами, проблемами, и за полтора года продвинулись вперед в их решении. Прежде всего, важен сам диалог – деловой, прагматичный. Он несколько снизил температуру конфронтации в двусторонних отношениях, разрядил психологический накал. Уменьшился риск возобновления военного конфликта, большого насилия в близлежащих к конфликтным зонам регионах – Абхазии и Южной Осетии. Это тоже дело серьезное. И еще: к сегодняшнему дню мы полностью открыли российский рынок для грузинских товаров. За полтора года товарооборот увеличился в три раза! Грузинские вина на российском рынке занимают сейчас третье место.

▼ В рабочем кабинете

Рывок произошел очень быстро, никто не ожидал, что возникнет такой бум. Мы уже можем экспортировать в Россию все, что мы можем продавать. Разумеется, для России то же самое. Мы добились реализации шагов, вовлекающих в это дело наши транспортные компании. Для них оформляются специальная документация, специальные визы. И они наряду с другими компаниями – российскими, турецкими, армянскими – тоже участвуют в товарообороте. Снят запрет на перевозку грузинской продукции по российской железной дороге – РЖД. До этого существовал какой-то конвенционный запрет на перевозку грузинских товаров, и он был отменен: теперь наши товары могут поступать в Россию и по железной дороге через Азербайджан.

- *А как обстоит дело с регулярными авиарейсами из Грузии в Россию?*

- Мы обсуждаем этот вопрос. Нет политических препятствий для восстановления регулярных авиарейсов. Чартерные, как известно, были и есть, но мы хотим, чтобы рейсов было больше, а для этого надо, чтобы у этих рейсов был регулярный статус. Эта тема тоже подошла вплотную к своему решению.

Все, о чем я вам рассказал, содействовало увеличению числа российских туристов. В прошлом году их было более 700 тысяч. Может быть, там не все русские, среди них немало и наших соотечественников. Мы их здесь ждем, все заинтересованы в том, чтобы количество российских туристов росло, и я не слышал, чтобы кто-нибудь здесь к ним плохо относился. В этом году мы ожидаем более миллиона туристов из России.

Еще одна тема. Чего греха таить, и у нас, и в России за шпионаж были привлечены к ответственности российские и грузинские граждане, особенно в период русско-грузинской войны. Они были осуждены на длительные сроки и здесь, и там. Мы стали искать ключи к решению этого очень деликатного вопроса. И к сегодняшнему дню с обеих сторон этот процесс пошел: люди вернулись к своим близким, в свои семьи. Правда, этот процесс еще не завершился, и мы его, видимо, продолжим.

Грузия приняла участие в Олимпийских играх, хотя это было для нас очень не простое решение. Ведь Олимпиада проходила недалеко от Абхазии. Тем не менее, правительство Грузии и Олимпийский комитет пошли на такой шаг – с нашей стороны это был акт доброй воли. Думаю, в России это увидели и отметили. В период Олимпийских игр мы сотрудничали с Россией и по вопросам безопасности. Это немаловажно, потому что у нас есть определенные обязательства по борьбе с международным терроризмом. На территории Грузии мы предприняли дополнительные шаги по обеспечению безопасности в аэропортах, на границах. В рамках законности, конечно. Слава Богу, удалось избежать всяких эксцессов.

Из реальных достижений последнего времени – изменение атмосферы двусторонних отношений, что позитивно восприняли наши соотечественники, проживающие в России. Их большое количество. В период «горячей» и «холодной» войн между Грузией и Россией они испытывали психологическое давление. Были и серьезные трудности, как, в частности, в 2006 году. Так что определенные положительные изменения в политическом фоне наши соотечественники приветствуют.

Хочу отметить, что наиболее обсуждаемая на сегодняшний день в Грузии тема – подписание 27 июня Ассоциированного соглашения с Евросоюзом. Были не совсем добрые ожидания, что Россия будет оказывать давление на Грузию, возникнут проблемы. Но с российской стороны мы услышали о том, что Россия этого делать не собирается. И в Грузии, и в других странах эта позиция нашла одобрение. До 27 июня остается какое-то время, и надеемся, что все так и будет, и это станет позитивным сигналом с российской стороны. В Ассоци-

▲ С любимой внучкой

ированном соглашении есть два основных компонента: режим свободной торговли с ЕС и свободный визовый режим для граждан Грузии. Грузия – маленькая страна, и если у нее не будет выхода на большие рынки, она не сможет развиваться. Поэтому мы кровно заинтересованы в выходе и на европейский, и на российский, и на американский, и на другие крупные рынки. И тут одно другому нисколько не противоречит. Более того, мы хотим предложить российскому капиталу нашу страну в качестве небольшого мостика для бизнеса – через Грузию на европейский рынок. У нас очень хорошая бизнес-атмосфера, поэтому россияне могут воспользоваться этой возможностью. Думается, российские предприниматели увидят в этом для себя интересную перспективу. Так что пусть россияне приезжают, делают бизнес, открывают производство и экспортируют затем товары в Европу в условиях режима свободной торговли Грузии с Евросоюзом.

- Зураб Ираклиевич, вы рассказали об успехах. А с какими трудностями вы столкнулись на пути решения наболевших проблем?

- Обойти вниманием и умолчать о больших сложностях, которые существуют между нами, не получается. В вопросах, которые являются главными противоречиями в наших отношениях, никакого прогресса, к сожалению, нет. Я имею в виду территории, которые по нашему законодательству являются оккупированными. В Женеве эти вопросы обсуждаются, и мы заинтересованы в том, чтобы и в этой сфере наметился прогресс. Но, к сожалению, мы не видим с противоположной стороны политической воли для того, чтобы продвинуться вперед, и это очень болезненно воспринимается в Грузии. Прежде всего, речь идет о милитаризации Абхазии и Южной Осетии, невыполнении в этом плане Россией международных обязательств, взятых в 2008 году. Десятки тысяч людей, в основном грузины, по сей день не могут

вернуться в свои дома. Кстати, на днях Генеральная ассамблея ООН большинством голосов утвердила проект резолюции о необходимости возвращения грузинских беженцев в Абхазию и Южную Осетию. Продолжается похищение людей, грубо нарушаются их права. Рано или поздно мы должны подойти к решению этих самых сложных вопросов. Мы своим российским коллегам говорим, что пока эти проблемы существуют, мы критику в адрес России продолжим. Пока не будет серьезного продвижения вперед по этим важнейшим проблемам, восстановить дипотношения никак не получится. Это тоже большая проблема. Но, несмотря на отсутствие дипотношений, нам пока удастся-таки что-то делать. Думаю, продвижению вперед отсутствие дипотношений не помеха. Я, в частности, имею в виду и ослабление или либерализацию визового режима со стороны России. Нам российские коллеги говорят, что визовый режим упрощается, но, если честно, мы этого не видим, не чувствуем. Нам показывают статистику: на столько-то больше людей в прошлом году получили виз, чем в позапрошлом... Но ко мне приходят люди и говорят: как было, так и есть. Разве что для родственных связей визовый режим вроде стало чуть помягче.

- Как вы оцениваете кризис власти в Абхазии?

- Нам нужно время, чтобы разобраться, что же там произошло и куда все это будет идти. Никакие власти в Абхазии мы не признаем как законные. Считали нелегальной прежнюю власть и эту считаем такой же! И не только мы, но и все мировое сообщество. В Абхазии были проблемы, внутреннее противостояние, и мы это видели. Главное – чтобы там не было насилия, дестабилизации, человеческих жертв. Мы в этом не заинтересованы, нас не может не волновать судьба грузин, которые там проживают, особенно в Гальском районе. Их права всегда попирались. Нас беспокоит перспектива: как новые обстоятельства могут сказаться на дальнейшей судьбе грузин, проживающих в Абхазии. Безусловно, Россия несет ответственность за ситуацию в этом регионе. Кризис власти в Абхазии – это отражение политики России на Южном Кавказе.

- Существует ли в мировой практике односторонний визовый режим?

- Да. Нам говорят: давайте сначала восстановим дипломатические отношения, а потом подумаем о визовом режиме. Что мешает упрощению визового режима при отсутствии дипотношений? Нам же оно не мешало полностью отменить визы для российских граждан? Но мы не настаиваем. Хотят отменить визы – пусть отменяют, хотят оставить – пусть оставляют. Перед Олимпийскими играми Президент Российской Федерации Владимир Путин сказал, что если Грузия будет сотрудничать с Россией, своим участием в Олимпийских играх в том числе, это станет первым шагом на пути упразднения визового режима. Потом выступили другие высокопоставленные российские чиновники и подтвердили, что Грузия с ними сотрудничала. Но в итоге ничего не изменилось. А мы и не настаиваем. Пусть решает Россия.

Если будет серьезное продвижение вперед в основном в решении проблем, связанных с Абхазией и Южной Осетией, какие-то прорывные телодвижения, вопрос о восстановлении дипотношений станет в повестку дня. Восстановить дипотношения в данной ситуации, – значит примириться с тем, что Абхазия и Южная Осетия не являются частью Грузии, согласиться с нарушением целостности Грузии. И наши коллеги в России об этом знают. Россия нас не «видит» в тех границах, в которых нас признает все международное сообщество. Если мы с этим согласимся, значит, легализуем ту «новую реальность», которую Россия устанавливает на Южном Кавказе.

- Иногда приходится слышать, что кто-то надеялся на серьезный прорыв в русско-грузинских отношениях, а теперь испытывает разочарование от того, что мы как

бы топчемся на месте.

- Такие настроения насаждают наши политические оппоненты. Они всячески стараются внедрить в сознание граждан скептические настроения: «Ну, какой смысл разговаривать с Россией? Разговаривай – не разговаривай, результат один. С Россией договариваться не получится!» Мы отвечаем так: «У общения, диалога нет альтернативы. Мы попробуем решать вопросы мирным путем. Кое-что уже получается. Будем идти дальше, хотя это будет сложный, длительный процесс». Таков наш подход. Очень важно отметить, что все наши западные партнеры полностью поддерживают грузино-российский диалог и призывают нас продолжить его, несмотря на все трудности. Совсем недавно об этом говорила Канцлер ФРГ Ангела Меркель, во время визита в эту страну грузинского Премьера Ираклия Гарибашвили.

- *Зураб Ираклиевич, по вашему мнению, вы добились на своем посту большего, чем ожидали, когда вас назначили на эту должность?*

- Мне кажется, что большего. Когда мы дойдем до подписания Ассоциированного соглашения с Евросоюзом 27 июня, я смогу об этом говорить громче и увереннее.

- *Вы отметили, что в двусторонних отношениях был период «горячей» и «холодной» войн. Какой период мы переживаем сейчас?*

- Мы стараемся выйти из того тупика, который создала Россия признанием Абхазии и Южной Осетии независимыми государствами. Выхода из этого замкнутого круга в правовом смысле пока не видно. Но мы делаем совместные шаги чисто практического плана, приемлемые и выгодные для обеих сторон. Никто от этого ничего не потерял. Значит, при желании можно кое-чего добиться. Ну а дальше посмотрим. Будем разговаривать, мы настроены конструктивно. Следующую двустороннюю встречу в Праге наметили на начало июля, есть новые идеи, в том числе в области инвестиционных проектов, в области транспорта, энергетики, инфраструктуры. Вместе с тем мы ждем определенного прогресса в Женеве. Хотелось бы, чтобы Россия проявила добрую волю, большую политическую решимость.

- *Недавно в Тбилиси должен был приехать коллектив Московского губернского театра под руководством Сергея Безрукова, однако приезд не состоялся – приглашающая сторона в Тбилиси решила отменить гастроль из-за позиции Безрукова в отношении украинского кризиса. Как вы считаете, правильно ли, когда в сферу культурных контактов внедряется политика?*

- Ни спорт, ни культуру, ни науку не стоило бы смешивать с политикой. Но в нашем политизированном мире это не всегда получается. Политическая конъюнктура, к сожалению, присутствует везде. Что касается этого конкретного случая, то он имел место буквально в период обострения ситуации в Крыму. Это решение было принято фондом «Культура», который является неправительственной, независимой организацией. Они приглашали, они же и передумали. Это не было решением правительства. Мы за то, чтобы культурные связи развивались. Они никогда и не прерывались. Даже после 2008 года, я помню, были культурные обмены, встречи экспертов. В меньшей степени, конечно. А вот за последние два года эти связи стали более интенсивными. Каждый год в Тбилиси проходят два театральных фестиваля, и на каждый приглашаются российские театральные коллективы. В прошлом году Тбилисский театр имени Грибоедова был признан лучшим русским театром зарубежья. В ближайшее время будем праздновать его 170-летний юбилей. Вчера я присутствовал на концерте-приеме в честь 200-летия со дня рождения Михаила Лермонтова, который был организован Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке банка ВТБ. У «Русско-

го клуба» на ближайшее будущее интересные планы. В июле пройдет поэтический фестиваль для молодых поэтов из разных регионов Грузии, в том числе из регионов, где живут армяне, азербайджанцы, может быть, будут осетины, абхазы. Конечно, в фестивале примут участие и грузины – все это молодые люди, граждане нашей страны в возрасте 14-15 лет. Они приедут в Тбилиси, объезжают всю Грузию, их будут встречать, они будут выступать. Для молодых поэтов разработана очень интересная культурная программа, чтобы они лучше знали свою страну, чтобы воспитать у молодых культуру общения и приобщения ко всему новому. У «Русского клуба» есть серьезный, многолетний опыт проведения поэтических фестивалей. В России недавно вышла прекрасная книга – поэзия молодых грузинских поэтов в переводах молодых русских поэтов. А в Петербурге выпустили книгу Давида Маградзе – сборник его стихов в переводах. Презентация сборника пройдет в сентябре. Таких проектов немало.

- *В самые тяжелые времена кризиса русско-грузинских отношений не прерывались церковные связи между нашими странами. И в этом диалоге вы всегда принимали непосредственное, активное участие.*

- Это действительно так. Даже во время августовской войны и после того, как дипотношения между странами разорвались, две церкви сохранили связи. И это было практически единственным мостом, связывавшим Грузию и Россию. Важна была позиция Московской патриархии, которая как признавала, так и до сих пор признает каноническое единство, целостность грузинской церкви, включающей Абхазию и Цхинвальский регион. Такая позиция явилась важнейшим фактором того, чтобы межцерковные отношения не подверглись пересмотру. Сотрудничество церквей продолжается, существуют постоянные контакты. Кстати, с 12 по 16 июля в Грузии должна быть реализована международная духовно-культурная программа общественного фонда «Единство православных народов» - «Голоса православной России в Грузии». Приезжает хор певчих, которые выступают в Тбилиси, во Мцхета, в Кахети. Это довольно большая группа, с участием представителей Московской патриархии. Сейчас идет подготовка программы этого довольно масштабного проекта. Все это внесет лепту в восстановление духовных, культурных связей между нашими народами. В городах, где будут проходить встречи, прихожане получают возможность приобщиться к произведениям русской духовной музыки в исполнении лучших российских коллективов. Они уже побывали во многих странах. Интересно, что в эти дни прозвучат и прекрасные произведения Католикоса-Патриарха всея Грузии Или II, что станет важной частью столь значимого духовного события.

- *Известно, что вас всегда связывали очень близкие отношения с российскими деятелями культуры. Они сохраняются?*

- Да. Это я унаследовал от своего отца – поэта Ираклия Абашидзе. Целая плеяда грузинских и российских деятелей культуры дружила между собой. Об этом знают все, кроме разве что совсем молодых людей. Да, была такая традиция: у моего отца были уникальные связи с российскими писателями! Потом, будучи послом в Москве, я с ними тоже встречался и со многими дружил. Посольство Грузии в России было своеобразным культурным центром... Настоящие дружеские отношения связывают меня с Евгением Александровичем Евтушенко. Он очень хотел приехать в Грузию, чтобы отметить здесь свое 80-летие, но не получилось по состоянию здоровья поэта. Однако Евгений Александрович не отказался от своего намерения приехать сюда, и мы его ждем.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ПО ВОЛЕ ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова стал участником IX Международного театрального фестиваля «Сцена человечества», который традиционно состоялся в Черкассах. 23 мая на сцене Черкасского областного музыкально-драматического театра им. Шевченко фестиваль открылся спектаклем грибоедовцев «Гроза» по А.Островскому в постановке Вахтанга Николава.

В этом году, по вполне понятным причинам, фестиваль в Украине находился под угрозой срыва. Когда же стало ясно, что фестиваль все-таки состоится, пришли неутешительные новости: традиционные участники – российские и белорусские театры – приехать отказались. Московский государственный музыкальный театр национального искусства под руководством Владимира Назарова отказался от участия из-за политической ситуации, а Белорусский театр из Минска – из-за собственных финансовых проблем. После долгих колебаний решили не ехать коллективы из Израиля, Румынии и Португалии. В фестивале приняли участие украинские коллективы – театры из Черкасс, Киева, Львова и Полтавы.

Участие Полтавского академического областного украинского музыкально-драматического театра имени Н.В. Гоголя стало приятной неожиданностью для зрителей. В Черкасы полтавчане привезли свою последнюю премьеру – комедию-водевиль «Ханума», которую им не удалось показать на родной сцене. «Полтавский театр спонтанно попал в программу фестиваля, - рассказал директор Черкасского драматического театра Владимир Осипов. - В их театре месяц на-

зад произошел пожар, полностью сгорела сцена, и сейчас он лишен возможности плодотворно работать. Мы помогли нашим коллегам. Участие полтавчан в «Сцене человечества» - это и поддержка театрального коллектива, и доказательство наших дружеских отношений».

Из зарубежных коллективов Грибоедовский театр стал единственным, кто согласился пересечь границу Украины. «Мы посчитали своим долгом творчески поддержать украинских коллег в такой тяжелый и драматический период», - заявил директор театра, заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий.

«Сцена человечества-2014» была посвящена 200-летию юбилею со дня рождения Тараса Шевченко, поэтому главной составляющей программы фестиваля стали спектакли по произведениям великого писателя.

Львовский драматический театр имени Леси Украинки показал спектакль «Стена» - историческую ретроспективу по произведениям Тараса Шевченко и Юрия Щербака. Черкасский академический областной украинский музыкально-драматический театр представил мистерию Шевченко «Большой погреб». Национальный академический драматический театр имени Ивана Франко показал инсценировку Станислава Мейсеева по поэзии Тараса Шевченко «Такая ее судьба...». Фестиваль завершил Национальный академический театр русской драмы имени Леси Украинки со сценической композицией Михаила Резникова «Везде один...» В день выборов, 25 мая, дирекция Черкасского драмтеатра пригласила театралов присоединиться к акции «Вышиванка объединяет Украину» - для всех, кто в этот день пришел в театр в вышитых рубашках, вход был бесплатным.

- Значение этого фестиваля очень большое и важное, - рассказал журналу «Русский клуб» режиссер Вахтанг Николава. - Особенно учитывая ситуацию в Украине. На фоне сегодняшних политических событий искусство вообще и театр, в частности, приобретают то назначение, которое и является самым важным. Театр – это союз, который является абсолютно органичным. На этом союзе и строятся самые хорошие взаимоотношения людей, которые добровольно сотрудничают поверх всяких барьеров. Искусство не имеет границ –

этот старинный романтический девиз звучит совершенно точно. Искусство – абсолютная субстанция. Сфера, где не может быть никаких разногласий. Это то, ради чего люди объединяются и благодаря чему понимают друг друга лучше, чем через пропаганду или политику. Мы вернулись из Украины воодушевленные не потому, что, как говорится, «мы это сделали», а потому, что стали проводником искусства и ощутили такую замечательную творческую и дружескую атмосферу, которую и описать-то невозможно – нет таких слов, не придумано.

- Простите, но получается, что не все разделяют ваш тезис «поверх барьеров». От участия в фестивале отказались пять стран.

- Я не думаю, что это была воля творческих людей. Так решили чиновники. Из соображений безопасности, или из каких-то других, но это как раз тот случай, когда в дело вмешалась политика. Надо отдать должное Николаю Свентицкому, который к этому вопросу подошел именно с творческой стороны, поскольку является прежде всего творческим человеком. Огромное

было организовано замечательно, техническая группа встретила нас подготовленной, нам предоставили возможность порепетировать, сориентироваться в новом пространстве. Спектакль прошел очень хорошо. Выступая на украинском телевидении, я подчеркнул, что мы сознательно привезли в Украину спектакль, который не является иллюстрацией никаких политических событий. Нам хотелось, чтобы зритель пришел к главному выводу – война идет в наших душах. Когда люди берут автоматы и начинают стрелять друг в друга – это всегда результат внутренних несогласий, подавления воли, отсутствия права выбора. После спектакля было обсуждение. Оказалось, что это такая традиция в Черкасском театре – после каждого спектакля на втором этаже театра проходит обсуждение с актерами, режиссерами и зрителями.

- О чем вас спрашивали?

- О многом. О нашем театре – современном репертуаре, прежней труппе. Оказалось, что черкасские зрители знают о легендах Грибоедовского. Я даже был поражен некоторыми деталями истории нашего театра,

ему спасибо за то, что он взял на себя ответственность, принял решение, и наш коллектив поехал на фестиваль в Украину. Знаете, я понял, что война не имеет национальности. Там работают какие-то другие силы – не народные, а инородные. Провокационные. А простой человек никогда не хочет войны.

- Как вас встретили в Украине?

- Замечательно. Эти три-четыре дня, проведенные в Украине, показались нам месяцем – по насыщенности. Нам показали множество достопримечательностей. Мы побывали в Чигирине, который был резиденцией Богдана Хмельницкого и столицей гетманской автономии. Посетили город Канев, основанный в XI веке киевским князем Ярославом Мудрым. Посетили Шевченковский национальный заповедник, возложили венок на могилу Тараса Шевченко на Чернечьей горе (она сейчас называется Тарасовой горой) и прочитали его стихи – на украинском, русском и грузинском языках. Для нас это было принципиально важно.

- Спектаклем «Гроза» вы открыли фестиваль.

- Да. Честно говоря, я очень нервничал. Хотя все

▲ Грибоедовцы на фестивале в Черкассах

которые были им известны. Что касается самого спектакля, я удивился точной оценке. Зрители восприняли спектакль так, как он и поставлен – символично. Когда шел спектакль, стояла гробовая тишина, мне казалось, что в зале никого нет. Потом, конечно, все завершилось хорошими аплодисментами. Для меня такое отношение очень важно, ведь я впервые выехал за пределы Грузии со своим спектаклем. И когда ты видишь, что твою работу приняли не только зрители, но и представители профессионального цеха, коллеги, и их похвалы не формальны – это дорогого стоит.

- Каково, на ваш взгляд, значение международных театральных фестивалей в целом?

- Фестивали необходимы. Мы не просто даем отчет друг другу и наблюдаем тенденции театра. Самое главное, что в этом процессе создается новый язык общения, и мы понимаем друг друга через другие категории. Категории не наших сфер. Представьте, мы смотрим спектакль коллег из другой страны, с другой ментальностью, на другом языке, с другим мировоззрением, и вдруг оказывается, что мы могли бы очень долго говорить на какие-то темы, так и не поняв друг друга, но мы играем спектакль и нам все понятно. Это самое важное в фестивалях.

Соб.инф.

ВСПОМИНАЯ ОКУДЖАВУ

Недавно в Тбилиси собрались авторы и исполнители из девяти стран, работающие в жанре авторской песни. Собрались по радостному поводу – 90-летний юбилей одного из родоначальников этого направления музыкальной культуры, поэта, прозаика, сценариста, автора около 200 песен, написанных на собственные стихи, Булата Шалвовича Окуджавы. Этому событию Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» посвятил первый тбилисский фестиваль авторской песни, который проходил в большом и малом залах Тбилисского государственного русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Участники «новорожденного» фестиваля вместе с его организаторами подарили тбилисской публике три вечера, наполненных поэзией и музыкой. Разной поэзией и разной музыкой, ибо за долгие годы своего существования авторская песня претерпела существенные изменения. То, что поют сегодня люди, выходящие на сцену с гитарой или другими инструментами, часто не совсем похоже на то, что называлось авторской песней полвека назад. Иные интонации, тексты, подача... Неизменно одно: эти песни заставляют размышлять, искать ответы, действовать, учат чувствовать, любить, ощущать силу и музыкальность поэтического слова.

В фестивале приняли участие авторы и исполнители из Азербайджана (Джавид Имамвердиев, Мурад Волков), Беларуси (Ольга Залесская), Украины (Ольга Артеменко), Литвы (Вигантас Казлаускас), Израиля (Ануар Будагов), Польши (Евгений Малиновский), России (Вероника Долина, Александр Ванин, Алексей Ушаровский), Эстонии (Маргарита Соловьева) и, конечно, Грузии. Страну, принимающую гостей, представили

инициатор фестиваля, журналист, исполнитель Роб Авадьяев, Ирина Парошина, Элина Урумова, Георгий Чкония, Вахтанг Арошидзе, Николай Джинчарадзе, Зураб Закариадзе. Тем самым были раздвинуты рамки географии авторской песни, которая давно перестала быть только российским культурным явлением.

Каждый из участников фестиваля – яркая индивидуальность. Достаточно назвать одну из лучших представительниц бардовского движения, тонкого лирика Веронику Долину, вновь посетившую и покорившую Грузию... Зрители отметили глубину и сдержанность исполнительской манеры Ирины Парошиной, выступившей с песней-посвящением Булату Окуджаве, театральность, яркую эмоциональность обаятельной Ольги Залесской, «шансонность» и европейскую элегантность стиля Вигантаса Казлаускаса, живой диалог со зрителем Элины Урумовой, лиризм и чистоту Ольги Артеменко, вдумчивость, интеллигентность Александра Ванина – тексты его песен отличаются своеобразием, нетривиальной образностью; ностальгические мотивы Джавида Имамвердиева, с болью в сердце прощающегося с «Баку одноэтажным», олицетворяющим канувшее в Лету прошлое... Овеянными печалью, «одурманенными запахом горечи» показались песни «наших» - Вахтанга Арошидзе, Николая Джинчарадзе, Гоги Чкония. Это серьезные, мыслящие авторы, успевшие заявить о себе не только на родине, обладающие (каждый!) особой, только им присущей интонацией, грустной и чуть ироничной. Понравилось собравшимся и «сочное» выступление колоритного певца из Телави Зураба Закариадзе (Папы).

Напомнила песни Окуджавы Маргарита Соловьева

ва – в ее бережной интерпретации прозвучали «Мой конь притомился», «Старый флейтист», «После дождичка небеса просторней», «Давайте восклицать»... Она продемонстрировала прекрасное владение шестиструнной гитарой, а также укулеле – миниатюрным четырехструнным щипковым музыкальным инструментом. В сопровождении последнего она призналась в любви к Грузии, исполнив «Чрело пепела» и «Жужуна цвима мовида».

Авторская песня нашла горячего популяризатора в лице польского актера и исполнителя Евгения Малиновского. В его оригинальной трактовке прозвучали такие хиты жанра, как «Грузинская песня», «Ах, какие удивительные ночи!», «Пока Земля еще вертится», «О Володе Высоцком» Булата Окуджавы, «Кони привередливые», «Песня о друге» Владимира Высоцкого. Произвело впечатление, что Евгений Малиновский не старался подражать манере Высоцкого или Окуджавы, а предложил свое, актерское видение песен этих выдающихся личностей. И от такого подхода авторские шедевры только выиграли.

А вот россиянин Алексей Ушаровский – поклонник творчества бардов Александра Галича, Александра Городницкого. И это проявилось в том, как артистично он исполнил знаменитые «Каждому свое», «Песню о губернаторской власти». «Бесполезно возражать государству!» - эта аксиома, высказанная некогда Городницким, нашла живой отклик в зрительном зале театра имени А.С. Грибоедова.

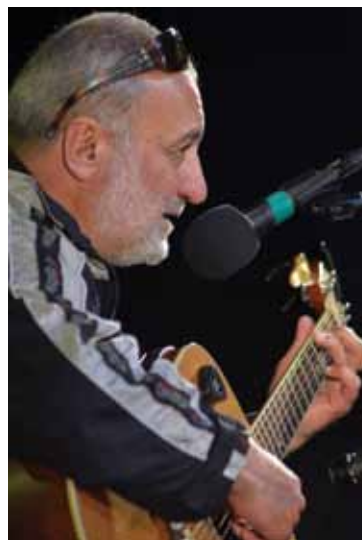
«Авторская песня заставляет думать!» - считает Роб Авадьяев. И обращается к великой поэзии Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Александра Галича и т.д. Чтобы спеть ее под гитару, под свою или не свою музыку. Как подскажет душа...

«В названии нынешнего фестиваля есть слово «первый», будем все вместе ждать новых встреч на тбилисских сценах в следующие годы», - обнадежил президент «Русского клуба» и директор театра имени А.С. Грибоедова Николай Свентицкий.

Гости, преданные служители авторской песни, не только исполняли произведения Окуджавы, Высоцкого, Галича, Мирзаяна, Городницкого и свои собственные, но и размышляли о феномене авторской песни, появившейся на свет в 50-е годы прошлого столетия, о своих инициативах и, конечно, признавались в любви к Булату Шалвовичу...

Джавид Имамвердиев, организатор Бакинского фестиваля авторской песни (Азербайджан):

- В этом году мы проводим уже десятый фестиваль. Открытие фестиваля – это, как правило, большая бардовская ночь. Начинается она в десять часов вечера и завершается в пять часов утра. Это обычно происходит в очень красивом месте, обязательно историческом. В прошлый раз мы собрались в храме огнепоклонников. Концерты традиционно проходят и в небольшом зале театра Рашида Бейбутова... Фестиваль прирастает друзьями, участниками. Два года назад мы по желанию спонсора ввели конкурс: наш спонсор – это Министерство молодежи и спорта, иногда к нему присоединяется Министерство культуры. У нас очень интересный состав жюри, председателем которого два года подряд был один из основоположников жанра авторской песни Александр Моисеевич Городницкий. Отличительная черта нашего фестиваля – привлечение молодых. Мы стараемся соблюдать баланс между опытными и начинающими, что дает возможность проследить, как развивается авторская песня. Кстати, в этом жанре много интересных, ярких, экспериментирующих молодых людей. Среди них как те, кто следует традициям, так и те, кто ищет что-то новое. Я люблю жанр таким, каким

Участники Фестиваля бардовской песни

узнал его когда-то, но иногда мне нравятся эксперименты. Если в основе – поэзия. Как бы это не подавалось в музыкальном отношении. А вот если мы ушли от поэзии к развлекательности, то это уже не авторская песня. Суть жанра хорошо определил Булат Окуджава: это то, что делается думающими людьми для думающих людей. Опять-таки, каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу. Если фестиваль провожу я, если я трачу свои силы, свою жизнь, то, конечно, стараюсь, чтобы все было в рамках жанра авторской песни.

Хочу вам пожелать, чтобы тбилисский фестиваль жил и процветал! Он важен с точки зрения развития жанра в южнокавказском регионе. Для того, чтобы была возможность отбирать делегации для крупных бардовских фестивалей. Как команда мы еще не очень сильны, чтобы выступать от имени целого региона. Грузия – это идеальное место, где мы можем проводить именно региональные фестивали и конкурсы. Тбилисский фестиваль к тому же даст толчок развитию авторов внутри страны. А самое главное: на концерты обычно приходят люди, оторванные от бардовской культуры. И фестивали – это уникальная возможность увидеть «неформат»! Люди хотят именно этого. Другой возможности услышать «неформат», кроме фестивалей, на которые гости приезжают без гонораров – просто для того, чтобы пообщаться, - не существует.

Ольга Залеская, основатель творческого объединения «Своя среда» (Беларусь):

- Хочу напомнить, что древние кельты называли бардами членов особенной касты, которая должна была воспевать подвиги храбрейших воинов. Они почитали касту бардов, друидов и гадателей настолько, что даже ставили их выше своих королей.

Авторская песня на сегодняшний день многожанровая, разнообразная. Мне интересно абсолютно все, но мне не нравится пережевывание старого. Уважаю

классику, очень многое люблю в авторской песне, но это не причина для того, чтобы замыкаться только на ней одной. Я сама пробовала разное, исполняла свои песни с джазовыми коллективами, с небольшим эстрадным оркестром записала два компакт-диска. Причем в этих записях нет ни одного компьютерного, ненатурального звука! Хочу подчеркнуть, что авторская песня – основа нашего творческого объединения. Это песни со смыслом. По внешним признакам авторская песня изменилась колоссально. Она стала профессиональнее, требовательнее к авторам и исполнителям, к текстам, музыке, уровню записи, оформлению – ко всему. Но это требование времени! Авторская песня – это, по сути, живой бренд, и как любой бренд он претерпевает изменения – ребрендинг. Однако остается то, что вложено изначально. Мы можем долго философствовать и рассуждать, но так и не сформулируем одного точного и исчерпывающего определения авторской песни. Почему она вызывает интерес? У каждого свое объяснение. Но абсолютно точно в ней есть нечто такое, что затрагивает в душе человека какие-то струны, заставляя или приглашая его слушать эти песни. А это занятие не простое. Как и чтение серьезной литературы, как и слушание классической музыки. Это требует большого труда души. Но не каждый хочет тратить на это свою жизнь и время. Но если уж человек приходит слушать авторскую песню, то в этом есть то главное, что я не могу определить в нескольких терминах... С одной стороны, вроде существует спад интереса к авторской песне. С другой, мы же есть! Представьте, сколько людей вышли из авторской песни. У них же есть дети. Они рядом с нами, растут на наших песнях, на той музыке, которую мы слушаем и любим. Возможно, они и не будут яркими поклонниками авторской песни. Не будут писать и ходить на концерты, но они несут эту культуру. Древнеегипетские зерна, хра-

нившиеся тысячелетиями и попавшие в благотворную среду, прорастают. Она все равно продолжается в наших детях, какую бы музыку они не слушали – рэп или рок. Они передадут это своим детям – как ген. И кто знает, может быть, через сто-двести лет некто споет песню, которая кого-то тронет, и начнется новый этап истории жанра.

Молодые сегодня устремлены к своим идеалам, к определенным целям. Им нужно выживать. Мы не можем их понять, нам не приходилось так выживать. Мы выживали в другие времена, мы не всегда приспособлены к тому миру и к той скорости распространения информации, скорости изменения технологий, которая существует на сегодняшний день. Мы как-то приспособиваемся, а молодым нужно зубами вгрызаться. Потому что они знают точно: мы не всегда им помощники – не все же миллионеры, не все же могут им обеспечить Кембридж или Сорбонну. Молодые привыкли полагаться на себя, они чаще вынуждены думать о заработках, о карьере... Но поют они о том же. О любви. Мужчины поют о женщинах, женщины – о мужчинах. О чести, о совести...

Евгений Малиновский, актер, музыкант, исполнитель авторской песни (Польша):

- Интерес к авторской песне проявился у меня еще в детстве. В десять лет папа подарил мне гитару, с тех пор все и началось. Правда, в детстве я больше играл, чем пел. Но мне всегда нравились песни Владимира Высоцкого, на которых я и воспитался. В Польше про меня говорят: Высоцкий – это его второй отец. На сцену я впервые вышел в Польше – это было в 2003-2004 гг. С тех пор я постоянно расширяю свой репертуар. Для меня пишут друзья. Я исполняю песни Высоцкого, Окуджавы и многих других известных авторов. Потихоньку начинаю писать сам. Всю жизнь я мечтал писать, но либо не заканчивал, либо признавал, что написанное мной не достойно публичного исполнения. Тем не менее песни Высоцкого, Окуджавы, Трофимова, Дольского, Розенбаума, поэзия Есенина, русские народные песни воодушевляют, трогают меня... В Польше очень хорошо относятся к авторской песне – там ее называют песенной поэзией. Наиболее почитаемый в моей стране представитель этого жанра – Яцек Качмарский, который сам в восемнадцать лет был воодушевлен Владимиром Высоцким. Высоцкий был проездом в Польше, где у него было много друзей, и молодой Качмарский попал на одну из таких встреч в доме режиссера Ежи Гофмана. Он был в восторге от этого жанра, от этих песен, от манеры исполнения, и долгие годы инспирацией для его творчества был Высоцкий. Постепенно Качмарский выработал свой стиль и стал в Польше чуть ли не народным героем. Вообще публика в моей стране очень благодарная, и что самое приятное, российская поэзия ей близка. Во все времена была массовая культура. Бардовская, авторская песня никогда не являлась таковой. Авторская песня и прежде не была ведущей, так обстоит дело и сейчас. Но в Польше есть множество молодых исполнителей, я сам провожу конкурс песни и поэзии Владимира Высоцкого, и самым молодым участником такого конкурса был шестнадцатилетний парнишка. Так что у нас поют все: и стар, и млад. Жанр авторской песни не устаревает, он вечен. В его основе – духовные ценности, история, традиции. Человек, который пишет, поет авторские песни, должен обладать нравственными качествами, твердыми принципами, гражданской позицией. Уже четыре года, как я создал фонд поддержки сближения культур, провожу два ежегодных международных фестиваля. Один из них – это, как я сказал, фестиваль песни и поэзии Владимира Высоцкого. Провожу также

конкурс на лучшую интерпретацию произведений этого поэта. Мне часто задают вопрос, кто мне ближе, - Высоцкий или Окуджава. Если Высоцкий срывает меня с места, толкает вперед: «Иди, делай, не молчи, не бездействуй!», то Окуджава чаще заставляет меня остановиться, оглядеться вокруг, задуматься. Один дополняет другого...

Роберт Авадьяев (Грузия):

- Авторской песней я стал заниматься достаточно давно – уже сорок лет в Баку существует Клуб авторской песни, в создании которого я принимал участие в числе первых семи его основателей. И вот мне пришла в голову мысль об организации фестиваля авторской песни в Тбилиси, где я живу вместе с супругой, бардом Ириной Парошиной, уже три с половиной года. С этой идеей я обратился к президенту Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб». Николай Николаевич Свентицкий внимательно выслушал меня, спустя год, когда весь пазл сложился, фестиваль состоялся... Но до того пока я не увидел участников фестиваля у гостиницы в Тбилиси, я не позволял себе поверить, что это возможно. Мы не влезли с нашим фестивалем в традиционные дискуссионные распри, существующие в песенном движении на протяжении нескольких десятилетий. Были люди, которые говорили, что нужно играть только на трех аккордах, что песня должна быть максимально примитивна, главное – слова, никаких музыкальных изысков. Мы, бакинцы, пошли другим путем. В советское время, когда споры грохотали, мы были на тех же позициях. Бакинцы просто поставили между собой и своими оппонентами «кавказские горы»: вы там, мы здесь. У вас одна музыкальная среда, одна культура, вы базируете свою мелодическую основу на традициях французского шансона 50-х годов, а мы выросли из cool jazz... Да, бакинцы, тбилисцы – это люди, выросшие на джазе! Вот почему мы такие мелодичные. Перед тбилисским фестивалем мы поняли: чтобы он получился интересный с мелодической и поэтической точек зрения, не надо приглашать одних авторов, потому что авторы очень часто не умеют исполнять свои песни достаточно профессионально... Тем не менее в России авторы вознесены, а исполнители считаются людьми не самого высшего сорта. Но мы нарушили эту традицию. Автором был на фестивале лишь каждый третий. Песни прозвучали в хорошем исполнении, концерты были эстетически приятными. Нужно было обратиться к зрителям, чтобы им было удобно войти в этот жанр. Зрители приняли как простые, доходчивые песни, так и изыски. Но мы нарушили и второе табу: песни у нас звучали не только на русском языке. Мы существованием своего фестиваля подтвердили тезис о том, что такие проявления искусства, как авторская песня, есть не только в русской среде, но и на другой культурной почве – например, на литовской. Главная особенность авторской песни – это ее адресность. Ее очень трудно определить – это не музыкальный стих и не поэтическая форма. Это может быть банальная песенка на три аккорда, но может прозвучать в джазовой, авангардистской манере – какой угодно. То есть авторская песня подается в абсолютно свободной форме, но каким-то образом всегда узнаваема. И прежде всего, интонационно – она адресована какому-то одному человеку, слушающему эту песню. Существует какой-то звуковой манюшек, говорящий о том, что это авторская песня, а вот это – не совсем. Я вообще за расширение рамок авторской песни. Я так давно в этом жанре, что имею право сказать: «Все, хватит! Мне надоели ваши три аккорда! Мы хотим чего-то нового!»

Инна БЕЗИРГАНОВА

ТРИ СЕКУНДЫ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Михаил Коркия

Он ушел после тяжелой болезни 25 января 2004 года на 59-м году жизни, выдающийся баскетболист, заслуженный мастер спорта.

«Трудно поверить, что нет больше с нами Зураба Саканделидзе, легендарного спортсмена, внимательного друга», - сказал Отар Михайлович Коркия, выразив чувства десятков тысяч людей, пришедших в Тбилисский Дворец спорта проводить в последний путь лидера динамовцев, отмеченного Божиим даром.

Патриарх грузинского баскетбола знал Зураба многие годы, следил за его игрой еще в юношеских командах, благо оба были из одного города – Кутаиси. Зураб занимался в детской спортивной школе у заслуженного тренера Сулико Тортладзе, вместе с которым родоначальник знаменитой баскетбольной династии Коркия играл в одной команде – тбилисском «Динамо». В его составе оба завоевали золотые медали чемпионата страны, выиграли розыгрыш Кубка СССР, удостоились почетного приза.

Баскетбол в те далекие годы пользовался большой популярностью в Кутаиси. Многие ребята занимались в спортивных секциях, среди них и Зураб Саканделидзе, которого привел в группу Тортладзе старший брат Анзор. На одной из тренировок Отар Коркия обратил внимание на мальчика, который бегал быстрее других,

лучше обращался с мячом.

«Из него выйдет толк», - говорил Сулико. Тренер, воспитавший многих известных грузинских баскетболистов, не ошибся.

В пятнадцать лет Зураб переехал в Тбилиси, окончил здесь школу и, конечно, попал в динамовскую команду, возглавляемую Отаром Коркия, одну из сильнейших в Европе, что она подтвердила, выиграв в 1962 году ценнейший трофей – Кубок европейских чемпионов. К тому времени Саканделидзе, студент Грузинского политехнического института, уже многое умел, попав в чемпионскую команду, в ее основной состав, не сбавляя нагрузок на тренировках, не зная усталости отработывал броски по кольцу, различные комбинации, являя собой пример великого труженика, обреченного на успехи. И они пришли.

В 1964 году молодого защитника тбилисского «Динамо» пригласили в юниорскую сборную СССР, в ее составе он получил золотую медаль чемпионата Европы в Неаполе, здесь познакомился и подружился с нападающим каунасского «Жальгириса» Модестасом Паулаускасом, будущим капитаном сборной СССР. За его плечами уже был опыт участия в турнире динамовских команд социалистических стран в Польше и международном турнире в Румынии, где он удостоил-

▲ Сборная СССР – чемпион Олимпиады-72

ся приза лучшего бомбардира.

Не прошло и года, как Зураб снова участник первенства Европы, на этот раз взрослого, в составе сборной СССР, и возвращается с золотой медалью, первой из четырех, добытых им в последующие годы (1967, 1969, 1971).

Так начинается его путь в большой баскетбол. Десять лет (1965-1975) Саканделидзе остается одним из основных защитников главной команды страны, участвует в крупнейших баскетбольных турнирах. В составе сборной он держал экзамен в США, и, по словам ее главного тренера Александра Гомельского, не уступал американским защитникам ни в технике, ни в точности бросков, а в скорости даже превосходил их.

В этом отзыве отражается огромное уважение, которое испытывал к своему ученику этот чрезвычайно требовательный и не щедры на похвалу тренер. На своей книге, подаренной Саканделидзе, он сделал красноречивую надпись: «Близкому и славному Сако – одному из самых великих баскетболистов нашего времени. Я счастлив, что трудился вместе с тобой в сборной СССР, где ты был моим учеником и стал дорогим другом. Пусть в жизни тебе всегда светит солнце, ибо ты сам алмаз. Александр Гомельский».

Алмаз Саканделидзе заблистал всеми гранями в 1967 году, на чемпионате мира в Уругвае и чемпионате Европы в Финляндии – победных для советской сборной. После финальной встречи с югославами зрители порвали на сувениры майку Саканделидзе, чемпиона мира и лучшего защитника турнира. А он изловчился и в немыслимой толчее завладел победным мячом и уже не расставался с ним до самого Тбилиси.

В Тампере Зураб снова на высоте, в прямом и переносном смысле, раз за разом, овладевая мячом на «верхнем этаже», изумляя зрителей и специалистов молниями прорывов, которые сравнивали с огненными грузинскими танцами, и этот отзыв сопровождал его на

всех турнирах. В Тампере специалисты назвали Зураба лучшим защитником, наградили специальным призом и ввели в символическую сборную континента.

Спортивные подвиги Саканделидзе по достоинству были оценены и дома. Чемпиона мира и двукратного чемпиона Европы в традиционном всенародном опросе назвали лучшим спортсменом Грузии 1967 года.

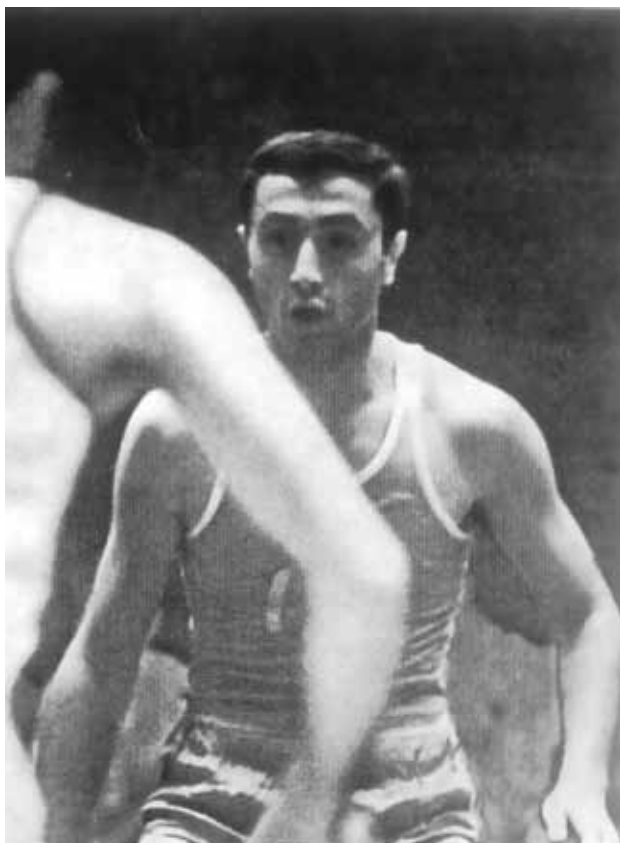
На Олимпиаде-68 в Мехико и чемпионате мира 1970 года в Любляне наши баскетболисты – третьи. Власть не простили Александру Гомельскому проигрыш первого места – сместили с должности главного тренера чемпионов мира, хотя проиграть американцам и югославам на тот период могла любая команда. Суд был скорый и неправый. К рулю сборной пришел новый наставник – тренер ленинградского «Спартака» Владимир Кондрашин.

Через год в западногерманском городе Эссене в финале европейского первенства снова скрестились пути советских баскетболистов и их соперников югославы. В матче, проходившем под интригой захватывающего соперничества двух центровых – Алжана Жармухамедова и Чосича, московский армеец надежно прикрыл югослава и стал героем финала. Ценой больших усилий нашей команде удалось ликвидировать отставание в 14 очков и сравнять счет – 44:44. В эти минуты неудержим вышедший на площадку Саканделидзе. Он совершает три молниеносных прорыва, а потом еще один, прерывает атаку соперников, и на этот раз внося решающий перелом в игру.

Вот что вспоминал Алжан Жармухамедов: «Зураба в команде любили все. С хорошим чувством юмора был парень, общительный, доброжелательный. А вот на поле спуска противнику не давал – играл цепко, жестко и азартно. Поражала его прыгучесть. Надо было видеть, как он, с ростом меньше 190 сантиметров, зависал над кольцом. Мы даже шутили: «Сако некогда играть в баскетбол, поскольку он постоянно находится

в воздухе». До сих пор перед глазами эпизод на чемпионате мира 1970 года в Любляне. В одном из матчей соперник решил подставиться в защите под набравшего скорость Зураба. А тот мгновенно сориентировался: взял да и перепрыгнул через него. Как через гимнастического «козла». Я такое увидел впервые. Умение Зураба в доли секунды принять правильное решение и спасло команду в мюнхенском финале. Мы говорим о «золотом пасе», «золотом броске», но ведь грамотный фол Саканделидзе тоже стал «золотым».

Рассказ Жармухамедова возвращает нас в мюнхенский «Баскетболхалле» в ночь с девятого на десятое сентября 1972 года. Финальный матч олимпийских сборных СССР и США по драматизму событий напоминал аттракцион «американские горки», с захватывающими дух взлетами и падениями. Наши баскетболисты вышли на площадку с хорошим настроением. Уже за

▲ Противостояние

полтора месяца до начала Олимпиады, после победы на третьем Мемориале Юрия Гагарина в Тбилиси, сборная поверила в свои силы и ехала в Мюнхен, готовая дать бой заокеанским соперникам, изначальным фаворитам.

Накануне финала состоялся примечательный диалог. Председатель Госкомспорта СССР Сергей Павлович Павлов спрашивает у Кондрашина, почему он так мало в ходе олимпийского турнира использует Саканделидзе. «Это наше секретное оружие в финале», — отвечает главный тренер.

Уже дебют решающей встречи озадачил его коллегу Хэнка Айбу. Кондрашин вывел на площадку самую быструю пятерку — Сергей и Александр Беловы, Зураб Саканделидзе, Михаил Коркия, Алжан Жармухамедов. Домашнюю заготовку Владимира Петровича многие расценили как рискованную. В таком составе сборная никогда раньше не играла. Но брошенная на площадку

▲ Юрий Селихов, Зураб Саканделидзе и Сергей Белов

секретная «бомба» сработала, разорвавшись грохотом трибун, не утихавших до последних секунд игры. Олимпийский чемпион, заслуженный мастер спорта Михаил Коркия вспоминал: «Честно говоря, я был в шоке, когда перед финалом Кондрашин сказал, что мы с Саканделидзе будем играть в стартовой пятерке. С трудом скрыл волнение. А вот Зураб, напротив, отнесся к этому как к должному. На тот момент он уже был чемпионом мира, четырехкратным чемпионом Европы, считался почти ветераном сборной и в Мюнхене постоянно обижался, что в каждой игре его выпускали всего на 15-18 минут».

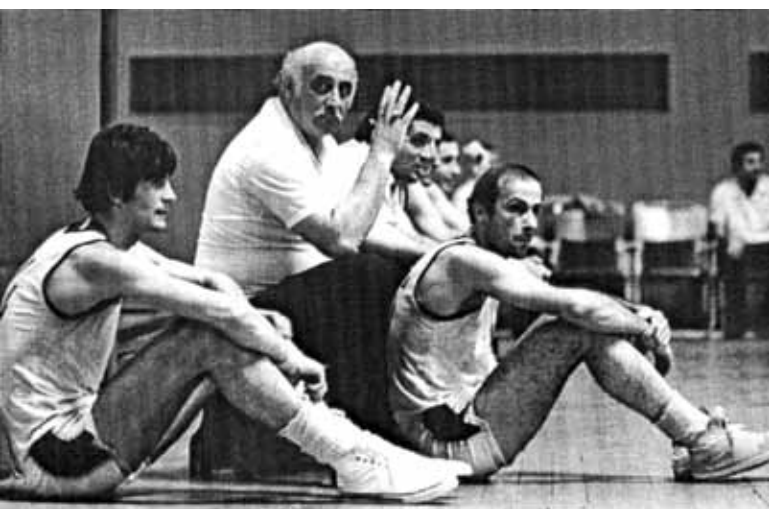
Вышедшие на поле с первых минут тбилисские динамовцы оправдали ставку тренера: темп, темп и еще раз темп! И счет на старте достаточно красноречив — 7:1 в пользу советской команды. В эти минуты великолепен Саканделидзе, мастер ураганного прорыва. Он дважды завершает атаки меткими бросками, наказывает соперников, когда его пытаются остановить недозволёнными приемами, реализует штрафные. Михаил действует под стать другу — результативно завершает быстрый прорыв, подбирает мячи под щитом. Матч проходит под диктовку советской команды, несмотря на упорное сопротивление соперников. Во втором тайме при счете 35:28 в пользу советской сборной в борьбе за мяч под щитом самый результативный среди американцев Дуайт Джонс откровенно грубо играет против Коркия, тот не остается в долгу — судья удаляет обоих с площадки. Кондрашин доволен — соперники лишились самого опасного игрока.

За десять секунд до финального свистка преимущество советской команды в счете сокращается до минимума — 49:48. Центровой Александр Белов с мячом входит в трехсекундную зону. Перед ним два американца. Следует бросок, защитник успевае отвести мяч. Мяч попадает в руки Саши. У него несколько вариантов для продолжения атаки: передать мяч стоявшему рядом Модестасу Паулаускасу, который просит пас, Сергею Белову, занявшему позицию у боковой линии (Сергей: получив мяч, я спрятал бы его под майкой), упасть с мячом на паркет и попытаться выиграть его при розыгрыше спорного, наконец, запустить мяч под своды зала и поймать. Из этих возможных продолжений Александр выбрал наихудшее и самое опасное — он бросает мяч к центру на Саканделидзе, которого держали сразу два американца. «У меня сердце остановилось», — сказал после игры Владимир Кондрашин.

Американцы перехватывают мяч, и уже рвется

к нашему шуту Дач Коллинз. Параллельным курсом устремляется в погоню за ним Саканделидзе, в несколько шагов догоняет соперника, но какой ценой! Ценой фола.

Представим на минуту, чего лишалась советская команда, если бы реактивный Зураб не догнал американца. Не было бы остановки игры после фола Саканделидзе. Не было бы двух реализованных Коллинзом штрафных, когда счет стал 50:49 в пользу сборной США. Не было бы таймаута, взятого Кондрашиным, во время которого тренер сказал: «У нас уйма времени!» И самое главное – не было бы легендарных трех секунд, приведших к олимпийским медалям, вместивших в себя математически выверенный чудо-пас Ивана Едешко через всю площадку Александру Белову, который финтом освободился от двух опекунов и обеими руками отправил победный мяч в корзину – 51:50.

▲ Отар Коркия и его дружина

Разочарованные американцы (апелляционное жюри наутро отклонило их протест как необоснованный) не вышли на церемонию награждения, отказались от серебряных олимпийских медалей. Они и сегодня хранятся в сейфе банка в Лозанне.

Владимир Кондрашин после финала сказал журналистам: «Я, как главный тренер сборной, думаю, судьба мне улыбнулась, когда до последней минуты на площадке был Зураб Саканделидзе, именно он, благодаря своей прозорливости и скорости, смог догнать и остановить Коллинза. Уверен, что это никому другому, кроме Зураба, сделать бы не удалось».

24 апреля 1977 года Тбилисский Дворец спорта в очередном туре чемпионата страны принимал каунасский «Жальгирис». После выигранного матча динамовцы провожали из большого спорта своего лидера и кумира Саканделидзе.

Сам Зураб Александрович так объяснил свое решение: «Многие говорят, рано ушел, но, думаю, принял верное решение. До того времени должен играть, пока все так же можешь радовать болельщиков и приносить пользу команде. Когда же почувствуешь, что ты уже не тот, в ту же секунду должен уйти».

Так считал самый титулованный из грузинских баскетболистов, заслуженный мастер спорта, обладатель двух олимпийских медалей (золотой и бронзовой), двух медалей чемпионатов мира того же достоинства, четырехкратный чемпион Европы, победитель розыгрыша Кубка СССР в составе динамовцев Тбилиси и бронзовый призер Спартакиады народов СССР в составе

сборной Грузии, кавалер орденов Вахтанга Горгасала II степени, Чести и «Знак Почета»...

О своих спортивных достижениях говорил со свойственным ему юмором: «Если бы на Марсе проводились соревнования по баскетболу, то я бы и там победил».

Зураб Саканделидзе легко нашел себя в послеспортивной жизни. Химик по образованию, он руководил крупными промышленными предприятиями республики, вместе с Михаилом Коркия тренировал тбилиское «Динамо» в трудные для родного клуба времена.

В трагические январские дни 2004 года я беседовал с выдающимися грузинскими спортсменами, с которыми дружил, о которых писал, и вот что они мне рассказали.

Владимир Угрехелидзе, заслуженный мастер спорта, серебряный призер Римской олимпиады: «Зураб Саканделидзе напоминает мне эру Константина Циолковского – самый быстрый в команде, с поистине реактивной стартовой скоростью. В знаменитом финальном матче с американцами на Мюнхенской олимпиаде он стал одним из героев.

Зураб был младше меня на шесть лет. Но играть с ним вместе довелось не раз. За сборную же страны за рубежом выступали всего однажды. Выехали мы в Италию на товарищеские игры, а потом участвовали в турнире на Сицилии. Отыграли турнир, вернулись в Рим. Мы с Зурабом по гороскопу Львы, оба родились в августе: он – девятого, я – 18-го. Вот и решили перед отъездом домой как-то отметить свое рождение. Пошли в кафе с нашим переводчиком. Представляете, сидят два грузина за столиком в Вечном городе, скромно празднуют свою некруглую дату. Втроем выпили по бутылке доброго итальянского вина».

Рафаел Чимишкян, олимпийский чемпион, двукратный чемпион мира: «Наши два зала находились рядом на знаменитом тбилиском стадионе «Динамо», идя на тренировку мимо нашего тяжелоатлетического – Зураб часто общался со штангистами. Он был мастером необходимых розыгрышей. Бывало заглянет в щелку приоткрытой двери зала и спрашивает: «А где Рафо?» - «Да вот же он», - отвечают ему и указывают на меня, - «Извини, сразу тебя не увидел», - говорил мне. В поездках, на перроне железнодорожных вокзалов, всегда старался оказаться рядом, подчеркивая свой баскетбольный рост. Я разгадал его хитрую уловку и спешил занять место повыше.

В поездке на Спартакиаду народов СССР мы с Зурабом оказались в одном купе. Дорога поездом в Москву долгая, коротали время за преферансом. Помню, я старался выполнить главное правило преферанса – первым делом заглянуть в карты соседа. Сделать это каждый раз было невозможно. Зураб, как фокусник, прятал карты в своих огромных руках баскетболиста.

Наши золотые медали олимпийских чемпионов разделяет дистанция в двадцать лет. Разница в возрасте не мешала нам дружить.

И каждая встреча – в Национальном олимпийском комитете Грузии, Департаменте спорта, на улице была в радость. Тот финальный олимпийский матч я смотрел по телевизору дома. Думаю, выскажу общее мнение: Зураб Саканделидзе был уникальным баскетболистом, с неповторимым почерком. Уход его из жизни – невосполнимая потеря для нашей спортивной общественности, для всей страны».

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом в бывшем Кирпичном переулке

«Я трогаю старые стены...»

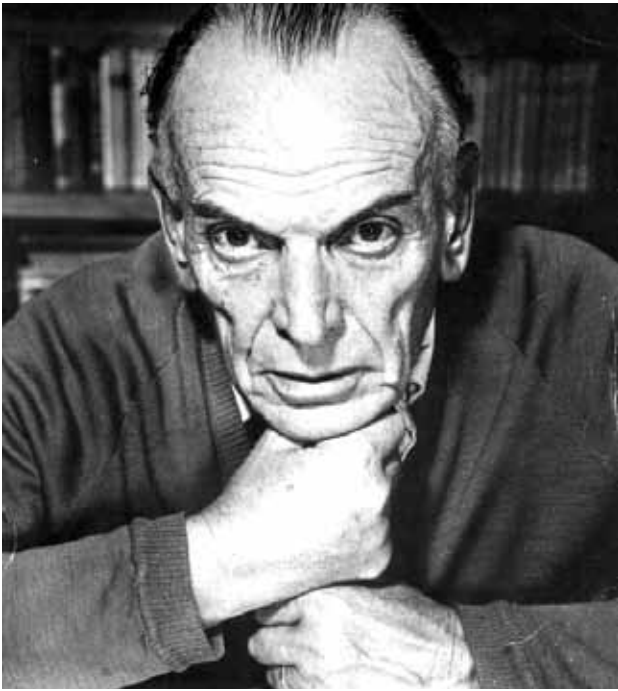
Тифлис: удивительные встречи

Улица в старом тбилисском районе, прославленном фильмом Георгия Шенгелая «Мелодии Верийского квартала», сама вошла в историю мировой культуры. Правда, не под нынешним именем – Бакрадзе, а как Кирпичный переулок, в начале которого жил классик грузинской музыки Захарий Палиашвили, а почти напротив – лидеры футуризма в живописи и поэзии братья Кирилл и Илья Зданевичи. Кстати, на улочке, которая начинается недалеко от этих домов, - мемориальная доска с именем другого музыкального корифея, Арама Хачатуряна. Этаким творческий интернационал на небольшом верийском «пяточке». И этот образ становится еще ярче, если вспомнить что именно у Зданевичей жил впервые приехавший в Тбилиси еще один классик – русской литературы – Константин Паустовский. Тот самый, который писал из Москвы после расставания со столицей Грузии: «Привет мацонщикам и кацо, и Головинскому, и кротким ишакам, и тифлисскому зною. Если бы знали, как все это стало милым и родным. А главное, - здесь паршивое, поддельное и дорогое вино, и нельзя каждый день пить. Вы понимаете?» Уж, мы-то отлично понимаем, Константин Георгиевич!

В Грузии Паустовский оказывается в феврале 1922-

го, во время «Броска на юг» - именно так озаглавлена одна из его книг. Он прибывает морем, из Одессы, где впервые начал писать, а потом стал ответственным секретарем газеты «Моряк». Со временем газета эта меняется, как он считал не в лучшую сторону: «Уловить это изменение я сразу не мог, но газета стала суше, а жизнь редакции – чуть скучнее». Поэтому он счастлив, когда ему предлагают поехать в качестве собкора по всем черноморским портам – от Одессы до Батуми. Да еще дают дополнительное поручение: наладить в этих городах выпуск морских газет. Так что, «первым рейсом пока что единственного советского парохода от Одессы до Батуми, по местам, недавно очищенным от белых», Паустовский отправляется к берегам Грузии. Но с выпуском морского издания в Сухуми ничего не получается. Приходится править материалы в местной маленькой «газетке, похожей на афишу заезжего фокусника».

Жить же удастся на деньги, получаемые в Абсоюзе, куда начинающего писателя приводит первая в его жизни встреча с тбилисцем. Они встретились в духане, где «на липких от липового вина дощатых полах бравурно отплясывал лезгинку тощий маленький старик в толстых очках и слишком длинной для него серой черкеске».

▲ Константин Паустовский

Этот танцор приглашает Паустовского к своему столику и... «Вопреки моему предположению, старик был совершенно трезв и не имел никакого отношения к абхазцам или к каким-либо другим горским народам. Он оказался тифлисским евреем по фамилии Рывкин. Он служил в Сухуме в Союзе кооперативов Абхазии – Абсоюзе – и просто любил в свободное время потанцевать лезгинку. Он тут же пригласил меня к себе в Абсоюз вести деловую переписку». Так впервые представитель Тифлиса влияет на жизнь Паустовского. Но вскоре Сухуми писателю уже не в радость, его тянет дальше, в Батуми – там поселились знакомая по «Маяку» машинистка с мужем, Исаак Бабель с женой и сестрой. «А я корпел в сухумском одиночестве и правил заметки в маленькой скучной газете», - сокрушается он. Вот, в итоге, он и «возмутился на самого себя, сел без билета на пароход «Ильич» и уехал в Батум».

В столице Аджарии – совсем иная жизнь: «Новые идеи... делали нас всех даже в собственных глазах представителями передового поколения. Мои надежды открыть в Батуме «свою», как я тогда говорил, газету объяснялись тем, что побережье Черного моря от Гагр до Батума было в ведении Союза моряков Грузии. Моряки эти, конечно, мечтали о собственной газете». И такая газета появляется – «маленькая и застенчивая моя газетка «Маяк». Первый ее номер выходит 21 августа 1922 года. Это вторая после Одессы морская газета в СССР, ее заголовки дублируются на английском и французском, а девиз – «Пролетарии всех морей, соединяйтесь!». Среди работающих в ней вместе с главным редактором и выпускающим Константином Паустовским – не нуждающийся в представлении Исаак Бабель и корреспондент Российского телеграфного агентства (РОСТА) по Аджарии Рувим Фраерман. Которому предстоит стать известным детским писателем. А картина «Дикая собака динго», снятая через сорок лет по его повести, станет знаковой для целого поколения.

Но этого занятия Паустовскому мало. Именно ему обязан своим появлением и первый в Грузии Союз транспортных рабочих. Происходит это так. Сидит как-то Константин Георгиевич с портовыми грузчиками-мушмами в духане «Бедный Миша». Там на окне – портрет толстого человека с подписью: «Наш бедный Миша, когда он покушал в этом духани». Второй портрет Миши

– худощавого, изголодавшегося до того, как он покушал в духане, к тому времени уже исчез. И то ли под влиянием этой живописи, прославляющей наличие еды, то ли под впечатлением жалоб мушей, у редактора «Маяка» появляется мысль о том, что этих людей «надо собрать и объединить и только таким путем покончить с их нищетою и несправием». Задумано – сделано. Привлекаются профсоюзы, чиновники, в портовом пакгаузе проводится многочисленное собрание и появляется на свет Союз мушей, который вскоре превращается в Союз транспортных рабочих.

Помимо всего этого в последние три месяца батумской жизни Паустовский работает еще и выпускающим в республиканской газете «Трудовой Батум». Но приступы малярии мучают его все сильнее, тогда-то в его биографии и замаячил Тифлис: «Портовый врач сказал, чтобы я немедленно, не теряя ни одного дня, уезжал из Батума в Тифлис, где, по его словам, малярия должна была тотчас пройти». Так Константин Георгиевич вместе с Рувимом Фраерманом в начале 1923 года оказывается на берегах Куры. А основанная им газета «Маяк» выходит еще десятилетия и лишь в 1970-х переименовывается в «Моряк Грузии»...

Тифлис уже с первых шагов поражает его... зимой, которую он не видел уже два года: «Я не знал, что в Тифлисе бывает хотя и очень слабая, но все же зима... Запах льда в тенистых палисадниках и оттаявших луж на согретых солнцем тротуарах относится к довольно явным, но коротким признакам этой зимы». Тут же возникает впечатление о таинственном и увлекательном городе, этакой «восточной Флоренции». Оба журналиста застывают прямо на вокзальной площади, «пораженные зрелищем гористых кварталов города», в которых «тихо и свежо лежало утро». Паустовскому кажется, что «в этом городе возможны, а может быть, и неизбежны всякие интересные истории»: «...В течение тех нескольких минут, что мы простояли с Фраерманом на вокзальной площади, я решил, что жизнь в Тифлисе не пройдет для меня даром и что этот город не может не отозваться на моей судьбе».

Так и происходит сразу же после его появления в доме Зданевичей, родственников одного из его батумских друзей. Да уже и сам путь к этому дому становится интересной историей. Муши, которые несут вещи, то и

▼ Рувим Фраерман

▲ Михаил и Валентина Зданевичи

дело заглядывают в духаны, чтобы подкрепиться стаканчиком красного вина, не забывая угостить и приезжих. Так что, те становятся все веселее: «Мы болтали без умолку, встречные улыбались нам. Тифлис шумел, как водопад (это, оказывается, шумела у Верийского моста мутная Кура), продавцы кричали нараспев теноровыми голосами: «Салат, шпинат, лук зеленый, редис молодой!» Тифлисская зима сверкала нам в глаза тоненькими пластинками разбитого пешеходами льда, густым небом, блеском начищенных медных блях на сбруе черных ишаков, тащивших аттические кувшины с мацони. Нестерпимо сверкали окна и лакированные стенки трамваев. Они мчались вдоль Головинского проспекта и напоминали передвижные ярмарочные оркестры – столько звона, треска, лягза, смеха и крика они волочили за собой, сбивая с толку таких северных новичков, как мы с Фраерманом».

И вот – дом на Вере, «с большими запутанными деревянными террасами, выходившими во двор, с полутемными, прохладными комнатами, с выцветшими персидскими коврами и множеством рассохшейся мебели». В нем целый день не смолкают звуки музыки, пеня, шумных споров, разбивающейся посуды. Да еще и отец братьев-футуристов Михаил Зданевич, бывший учитель гимназии, занимается французским языком «сразу с несколькими недорослями и неучами», у которых, «как на подбор, были унылые, бубнящие голоса». Словом, чисто тифлисская жизнь, с террас которого «виден на горизонте снег Главного хребта».

Поначалу Паустовский немного стесняется обитателей дома, к которым запросто приходили такие знаменитости, как художник Ладо Гудиашвили и поэт Тициан Табидзе, и у которых, по приезду в Тифлис, жил Владимир Маяковский. Но постепенно все входит в свое русло. Во-первых, он очень подружился с матерью авангардистов Валентиной Кирилловной, грузинкой-имеретинкой, бывшей певицей, учившейся у самого Петра Чайковского и поражавшей жильца «своей пронзительностью, живым умом и спокойствием». Во-вторых, он живет по главному закону дома – соблюдать культ младшего сына Ильи. Этот теоретик и практик футуризма уже был во Франции, обрел там славу под именем Ильязд, дружил с Пабло Пикассо, работал в фирме Коко Шанель, сотрудничал с Анри Матиссом, Марком Шагалом... А в тифлиском Кирпичном переулке о нем «говорили так, будто он только что вышел за дверь... Все делалось, как любил Илья. Никто не смел трогать его вещи. К этому все, особенно Валентина Кирилловна, отнеслись бы как к кощунству». В-третьих, Паустовский и сам знакомится сходящими в гости, как сказали бы сейчас, звездами, среди которых – и поэт Николай Шенгелая, который через год начнет свой блистательный путь в кинорежиссуре. И сын которого, Георгий, спустя годы снимет фактически первый в советском кино мюзикл – о Верийском квартале.

зикл – о Верийском квартале.

Да, спорить о футуристических поэмах обожествляемого в доме Ильязда просто невозможно: «непонимание стихов Ильи было для его родных и друзей признаком полной бездарности и мещанства». Но зато можно критиковать другого авангардиста, завсегда дома на Вере, поэта Николая Чернявского, который «был влюблен в Грузию и потому звал себя не Николаем, а по-грузински – Колау». Паустовский становится другом и Колау – сына бывшего гражданского губернатора Тифлисской губернии, и старшего брата Зданевича – художника Кирилла. А тот продолжает большое дело, начатое вместе с Ильей и их другом Ле Дантю – «буквально по крохам» собирает картины и пропагандирует творчество открытого ими миру гениального самоучки Нико Пиросманишвили. Паустовский восхищается: «Он разыскал почти всего Пиросмана, он спас работы прекрасного народного художника, совершил подлинный подвиг и впоследствии подарил собрание картин Пиросмана государству, иными словами – народу».

Естественно, жилец дома Зданевичей оказывается среди творений Пиросмани: «Стены во всех комнатах,

▲ Валерия Валишевская и Кирилл Зданевич

террасы и коридоры, даже кладовые и ванная были завешаны от потолка до пола необыкновенными по рисунку и краскам картинами. Много картин, не помещившихся на стенах, было свернуто в рулоны и стояло в углах... Два месяца я не мог привыкнуть к ним и жил в очень конкретном, но вместе с тем и полуреальном мире». А потом и он сам «заболевает» миром Пиросмани: «То был главным образом Кавказ, одновременно и причудливый и точный. И не только Кавказ, но и самые разные явления жизни, увиденные совсем не так, как мы привыкли их видеть. Так наивно и свежо может видеть человек, только что прозревший после слепоты. Или человек, внезапно проснувшийся, когда действительность еще не избавилась от налета сновидений. В моей комнате тоже висели картины Пиросманишвили (Зданевичи звали его для краткости Пиросманом). Поэтому у меня было время изучить их и полюбить».

Вот так и рождается под пером Паустовского история о любви нищего художника. Слово – Константину Георгиевичу: «Историю любви Пиросмана рассказывают по-разному. Я повторил один из этих рассказов. Я коротко записал его, не придавая чрезмерного значения его сугубой подлинности. Пусть этим занимаются придирчивые и скучные люди. Но об одном я не могу умол-

▲ Н.Пиросмани. П-т Ильи Зданевича

работает в железнодорожной газете с, прямо скажем, странным названием «Гудок Закавказья», Тифлис дарит ему романтическое увлечение. Которое завершится свадьбой лишь спустя 13 лет. Тогда, в 1923-м, он уже седьмой год женат, но рядом оказывается эффектная молодая дама, по натуре – свободный художник. А иной и быть не могла бывшая жена Кирилла Зданевича и сестра его друга, замечательного польского художника Зигмунда Валишевского. В Валерию Валишевскую влюблялись, ее ревновали, из-за нее даже стрелялись. Не устоять было и Паустовскому – она тоже жила в доме Зданевичей. Там же ее с Кириллом сына растила бабушка-имеретинка Валентина. Романтическая взаимность писателя и «свободного художника» видна даже бывшему мужу, и Паустовский отмечает в дневнике: «Кирилл ревнует».

Но, в конце концов, Константин уезжает в Москву, Валерия остается в Тифлисе, второй раз выходит замуж. Казалось бы, «была недолгой любовью». Ан, нет! Через шесть лет они встречаются у общих знакомых в Москве, и чувство вспыхивает с прежней силой. Еще семь лет – и оба расходятся с супругами, играют свадьбу. Валерия Владимировна становится вдохновительницей многих произведений Константина Георгиевича, в первую очередь, «Броска на юг» - именно там мы видим ее в образе Марии.

Но тогда, в Кирпичном переулке, и до этой свадьбы,

▲ К.Зданевич. Оркестровый автопортрет

чать, потому что это, пожалуй, одна из самых горьких правд на земле, - вскоре Маргарита нашла себе богатого возлюбленного и сбежала с ним из Тифлиса». В красивой песне «Миллион алых роз», ставшей известной миллионам людей после того, как поэт Андрей Вознесенский и композитор Раймонд Паулс пересказали эту историю, о таком конце ничего не сказано...

Проходит совсем немного времени, и Паустовский уже не чувствует стеснения в творческой среде грузинской столицы. Тем более что там, на его взгляд, «обладали одним общим свойством: каждый был полон своими мыслями и своим делом, каждый говорил о своем и мало обращал внимания на остальных, особенно на тех, кого считал чужаком. В среде футуристов-писателей и художников я считался не то чтобы чужаком, но «диким»: колеблющимся и непосвященным... Так обо мне думали, должно быть, потому, что я не ввязывался в споры».

А пока он не ввязывается в литературные споры и

и до развода в конце 1940-х было так далеко. Их просто влекло друг к другу: «Мария стала моим проводником по Тифлису... Эту жизнь целомудренно и молча разделяла со мной молодая женщина. Все в Тифлисе приобрело для меня цену и значение. Часто у меня появлялось странное чувство, что весь этот жаркий город и весь этот шумный азиатский люд только декорация для немногословной и грустной пьесы, в которой участвуют всего только два действующих лица – Мария и я... Мы ни слова не сказали о любви. Между нами все время лежала тонкая и непрочная нить, перейти которую никто из нас не решался...» Они много гуляют по городу, не выбирая маршрута: «сады – Ботанический и Муштаид, майданы, окраинный Авлабар за Метехским замком, Сионский и Анчисхатский соборы, берега Куры и знаменитые престарелые духаны (они тогда еще действовали) «Симпатия», «Сюр Кура» и «Тили пучури», что означает «Маленькая вошь»...

Вы заметили? Тифлис уже стал настолько своим для

▲ Валерия Валишевская и Константин Паустовский. 1930-е гг.

▲ Илья Зданевич (справа) в гостях у Паустовского. 1963

Паустовского, что он не может не связать этот город с переполняющими его чувствами. Да и вообще, он оставил нам изумительные, оживающие на глазах картины самых различных уголков. Хотите базар? Пожалуйста: «Базар – как персидский ковер – смесь оливковых и темных персов, диких горцев в черных башлыках, кирпично-бронзовых текинцев, краснорожих весельчаков «кинто», вечно вздыхающих и жарящих каштаны айсоров, красноармейцев в суровых шлемах и темно-зеленых шинелях, словно высеченных из дикого камня, и забредших сюда «фешенебельных» иностранцев в лакированных туфлях и серых макинтошах. И над всем этим висят вопли ишаков, треск жаровен, чад, бодрые крики автомобилей и густое небо». А это – не менее знаменитые ряды мастеровых: «Медники устраивали такой перезвон, что начинала болеть голова. Мы старались поскорее миновать их ряды, засыпанные блестящими обрезками жести, меди и цинка. Тяжелыми гроздьями висели над головой прохожих чувяки. Пахло кожей, вином, уксусом и соком алычи. Из свечных лавок – благогоно медом и воском».

Ну, как не заглянуть вместе с Константином Георгиевичем в легендарные сады? «На окраине Тифлиса были расположены знаменитые Верийские и Ортачальские сады. То было место летних увеселений и отдыха. Почти каждый небольшой сад был превращен в кафешантан или духан. К вечеру, когда начинала спадать жара, тифлисцы тянулись в эти сады. Кто побогаче – на извозчиках, а кто победнее – пешком. Названия кафешантанов отличались пышностью и безвкусицей. Самый дорогой шантан назывался «Эльдорадо». Потом шли «Фантазия», «Сан-Суси», «Шантеклер» и «Джентльмен». И еще – о том, о чем не так уж часто пишется: «Невдалеке от Ортачальских садов были так называемые «веселые» улицы. Многие посетители шантанов сначала заезжали на эти улицы и привозили оттуда шумных девиц. Что ждало тифлисца в этих садах? Прохлада, легкий чад баранины, пение, танцы, азартная игра в лото и красивые огрубевшие женщины».

Приглядитесь-ка к персонажам, которых уже никогда не будет на тбилисских улицах: «Нигде я не видел такого громадного количества сердитых старых чиновников с облезлыми бархатными околышами, чопорных в нищете офицерских своячениц, донашивающих убогие меха, и хрипунов генералов, торгующих на Головинском проспекте папиросами. В Тифлисе – это целый мир брызгливых осколков от прошлого. Он не ждет возвращения старого, но хранит все его традиции, все мелочи

старого быта. И генералы с папиросами, стоящие на Головинском, говорят постоянным покупателям «здравия желаю» и величественно козыряют, а у офицерских своячениц целуют почтительно руку в заштопанных нитяных перчатках...»

Другие персонажи – уже вдали от центрального проспекта: «Около Сионского собора старухи, высохшие, как корешки, продавали бессмертники. За травмаями, кривляясь и приплясывая, бежали и били в бубны цыганята. Муши тащили на спинах, покрикивая на прохожих, пахучие тюки табака. Цветочницы в одно мгновение составляли букеты по самому прихотливому вкусу... На майдане толпы кинто, торговцев и извозчиков, составив тесный круг, гоняли по середине этого круга дикого кабанчика. Он визжал и носился с неслыханной скоростью, пытаясь прорваться наружу. Специалисты определяли скорость кабанчика по секундомеру. Шла азартная игра. Посетители духанов, высунувшись из окон, гоготали, нагоняли ставки и пели разливанные и беспорядочные песни».

А вот – склон горы Мтацминда: «...Я ушел из нового Тифлиса в старый, на гору Давида, на могилу Грибоедова, заросшую черным плющом. Внизу лежало море плоских крыш, вилась Кура, а за ней синим льдом уже горели вершины главного хребта. И глядя на бронзовый барельеф Грибоедова, слушаю в тишине и пустынности плеск воды в церковном фонтане, читая стертые строки о том, что Грибоедов «убит в Тегеране генваря 30 дня 1829 года», я вспомнил, какая это древняя земля, покрытая тысячелетней пылью». И, наконец, взгляд фиксирует то, что делает честь тогдашнему Тбилиси: «В уличной жизни Тифлиса нет нездоровой, визгливой, подозрительной суеты Одессы и Батума, наполненного англазированными одесситами. Здесь – сдержанное оживление, нет ажиотажа (по крайней мере, заметно), здесь большей частью крупные и верные дела».

После расставания с Тбилиси в 1923-м, Паустовский еще не раз приезжал в Грузию, был в Самегрело, в Колхиде, много и красиво описывал увиденное. Все те строки стали классикой. Но почему-то первой всплывает в памяти фраза: «Я еще не видел такого путаного, пестрого, и легкого, и великолепного города, как Тифлис». Наверное, она приходит на ум потому, что и сегодня звучит вполне актуально. Как и то, что Тбилиси «уже не ждет возвращения старого, но хранит все его традиции, все мелочи старого быта». Добавим: по крайней мере, старается хранить.

Владимир ГОЛОВИН

ИМЕНЕМ ПУШКИНА

6 июня мировая просвещенная общественность отметила 215-летие со дня рождения Александра Пушкина.

«Что он для нас? Великий писатель? - писал Дмитрий Мережковский. - Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя России стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет. Так для нас, но не так для иностранцев. Как сильно действуют на иностранцев обе половины расколовшегося русского духа, Л.Толстой и Достоевский, а целое, Пушкин, не действует вовсе. И мы предчувствуем, что сколько бы ни объясняли, ни открывали его иностранцам, он все-таки останется для них закрытым, запечатанным семью печатями... Отчего? Не оттого ли, что Пушкин слишком поэт-«певец», а в песне все зависит от поющего голоса, в стихах — от лада и звука речи, от музыки слов. Совершенный стих непереволим, неповторям на чужом языке, и чем совершенней, тем неповторяемей, а пушкинский стих — предел совершенства».

Хорошо известен парадокс восприятия русской классики за рубежом. Например, комедии Чехова ставят именно как комедии — и то, в чем русский читатель видит трагический оттенок, иностранцу кажется смешным и забавным. А обращаясь к «Евгению Онегину»,

на Западе экранизируют сам сюжет, с легкостью обходясь без стихов. Да, Пушкин непереволим. И тем не менее, вопреки словам Мережковского, сегодня тезис о том, что русская литература всемирна, стал аксиомой, а тот факт, что Пушкин для России — то же, что Гете для Германии, Данте для Италии, Гомер для Греции является непреложной истиной. Да и не будем забывать, что на земном шаре русскоязычных людей — около 300 миллионов, не говоря о 200 миллионах, владеющих русским языком как вторым после родного.

В 2014 году в Грузии отмечают еще один юбилей, связанный с именем Пушкина. 185 лет назад поэт дважды побывал в нашей стране — по пути из России в Турцию, на театр военных действий, и по возвращении оттуда в Россию.

27 мая 1829 года в 11 часов вечера Пушкин прибыл в Тифлис, где пробыл до 10 июня, когда выехал в Арзрум. 21 июля он отправился в обратный путь прежним маршрутом и 1 августа въехал в Тифлис. «Здесь, - вспоминал поэт, - остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских».

Современник Пушкина, К.Севостьянов, был очевидцем пребывания поэта в Тифлисе, о чем оставил письменное свидетельство. Описываемое празднество в честь Пушкина относится к одному из дней между 27 мая и 10 июня 1829 г. - тифлиscopy отмечали тридцатилетие поэта: «Нужно ли говорить о том, с каким

▲ Награждение победителей конкурса

восторгом приветствовали все Великого Поэта? Всякой, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякой жаждал беседы с ним. Наконец все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник... Тут собрано было: разная музыка, песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышалось вензелевое имя виновника праздника. Более 30 единоподушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада восторженно встретить своего дорогого гостя. Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его громким ура с выражением приветства, как кто умел. Весь вечер пролетел незаметно в разговорах о разных предметах, рассказах, смешных анекдотах... Пушкин в этот вечер был в апогее душевного веселия, как никогда и никто его не видел в таком счастливом расположении духа; он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем как обыкновенно он бывал более молчалив и мрачен. Как оригинально Пушкин предавался этой смеси азиатских увеселений! Как часто он вскакивал с места, после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, как это пестрое разнообразие европейского с восточным ему нравилось и как он от души предавался ребячей веселости!.. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодаря всех нас за торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: - Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего, я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым!»

Союз русских женщин Грузии «Ярославна» при поддержке Фонда «Русский мир» провел ряд мероприятий, посвященных юбилею великого поэта. Примечательно, что организаторы привлекли к праздничным мероприятиям не только профессионалов-пушкинистов, педагогов, русистов, но и – что самое главное – детей и подростков.

28 мая в Доме-музее Елены Ахвледиани состоялся круглый стол «Язык Пушкина на грузинской земле». Выбор места встречи был осознанным, ведь дом выдающейся грузинской художницы является историческим памятником грузинской культуры и грузино-русской дружбы и творческого общения. В этом уникальном художественном салоне желанными гостями были Котэ Марджанишвили, Верико Анджапаридзе, Ладо

Гудиашвили, Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер, Василий Шухаев. «Ее жилище было так же необычно, как и сама хозяйка, - вспоминала Народная артистка СССР Елена Гоголева. - Входишь сразу в комнату, тут и кухня, и что-то вроде столовой, где Эля, необыкновенно красиво сервировав стол, могла угощать своих друзей изумительными яствами грузинской кухни. Ход из нее вел в собственно Элино царство. Светлая с двумя окнами и мастерская и спальня. У стены полотна, полотна, полотна. Посередине мольберт, всюду книги и полный хаос. И только маленький, уютный уголок тахта, вся в коврах, столик, лампочка, чисто, хорошо, красиво. Очень красиво. Хотя как будто и ничего особенного. Но все изящно, и истинно национальное своеобразие грузинской культуры чувствовалось в этом крошечном уголке художницы. На столах много эскизов, фотографии Марджанова, ее родных. Тут вся чудесная, краси-

▲ Юрий Скрынников и Алла Беженцева

вая душа Елены Ахвледиани».

В доме-музее художницы и сейчас часто собираются представители творческой интеллигенции для бесед, дискуссий, праздничных вечеров и дружеского общения. В этот раз на суд специалистов и любителей пушкинского творчества были представлены несколько докладов, которые и стали поводом для «разговоров за круглым столом».

«Здесь собрались люди, знающие и любящие Пушкина, - сказала, обращаясь к собравшимся председатель Союза «Ярославна» Алла Беженцева. - Мы специально выбрали камерный формат круглого стола – чтобы сегодня состоялась беседа о нашем любимом поэте». Встречу открыла профессор Тбилисского государственного университета им. Ив.Джавахишвили Мария Филина, представившая доклад «Пушкин и Грузия». «Грузия была страной экзотического вдохновения, которое так необходимо каждому поэту-романтику. Без Кавказа нет русского романтизма. Но тема Кавказа в творчестве Пушкина – это путь поэта от романтизма к реализму», - подчеркнула М.Филина. Член Международного Пушкинского общества (Германия) Марина Новикова говорила о «Богатстве мыслей и чувств лирики Пушкина». Особое очарование выступлению придали стихотворения поэта, которые М.Новикова читала с непередаваемым воодушевлением и проникновенностью. Цири Беридзе, педагог, лауреат Пушкинской премии, рассказала о том, как старается приучить своих учеников знать и любить Пушкина. Между прочим, ее ученицы являются лауреатами республиканских и

▲ Рисунки участников конкурса

международных конкурсов, посвященных творчеству поэта. Председатель Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион» Михаил Айдинов представил историю памятника Пушкину в Тбилиси – бюста работы скульптора Феликса Ходоровича, который был установлен в мае 1892 г. и стал пятым по счету памятником Пушкину на территории Российской империи. В докладе члена редакционной коллегии журнала «Русский клуб», филолога Нины Зардалишвили-Шадури «Тайна безмерного обаяния Пушкина» красной нитью прошла мысль о том, что «сегодня Пушкин – знаковая, культурная фигура русской культуры и русскоязычного пространства. Он – и фигура речи, и нарицательный герой, и ходячий персонаж, и вечный образ. А строго говоря – абсолютная константа нашей повседневной жизни и нашего культурного существования». Член правления Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион» Георгий Кевлишвили анализировал стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Завершила встречу ректор Детской академии «Мир искусства – детям» Валентина Баланчивадзе, которая в свойственной ей яркой, артистичной манере представила собравшимся краткую историю жизни и творчества Пушкина.

И, конечно, все собравшиеся обращали слова искренней признательности в адрес директора Дома-музея Елены Ахвледзиани Тамилы Тевдорадзе, которая знаменита своим бескорыстным подвижническим отношением к культурным событиям в Тбилиси – как известно, двери дома-музея всегда открыты, он и сегодня остается популярным литературно-художественным салоном.

А 6 июня, в день рождения Пушкина и День русского языка, к праздничным мероприятиям Союза «Ярославна» подключились Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб». Именно в Грибоедов-

ском прошла церемония награждения победителей и лауреатов конкурса детского рисунка «Мир сказок Пушкина», а в театральном фойе была открыта выставка работ конкурсантов. Свои работы на конкурс представили около 200 детей от 5 до

15 лет из всех регионов Грузии. Лауреатов конкурса определило независимое жюри под председательством Юрия Скрынникова (Союз художников Грузии) в составе Александра Тодуа (Союз художников Грузии) и пушкиноведа и художника Виктории Поповой. В трех возрастных группах были названы 9 победителей и дополнительно были вручены 7 поощрительных призов.

Для собравшихся был приготовлен еще один сюрприз – участники конкурса получили в подарок сборник «Русские волшебные сказки», изданный «Русским клубом» - художественно-методическое пособие для чтения. В сборник вошли известные русские народные сказки «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Сивка-Бурка», «Жар-птица и Василиса-царевна» из легендарных «Заветных сказок» Александра Афанасьева. Автор иллюстраций - Мирей Барро, выпускница Высшей Парижской школы искусств. Книгу презентовала филолог Жужуна Сихарулидзе, автор адаптаций оригинальных тексты сказок, методических упражнений и словаря. Между прочим, она специально приехала из Турции, где последние годы преподает русский язык и литературу в местном университете.

Завершилась праздничная встреча спектаклем театра им. Грибоедова «Сказка о царе Салтане» в постановке художественного руководителя театра им. Грибоедова, лауреата Государственной премии Грузии, премии им. К. Марджанишвили Автандила Варсимашвили.

Соб.инф.

«ТРИ КАРТЫ» ИЗ ПРОШЛОГО

Опера «Пиковая дама», поставленная в Тбилисском оперном театре в январе-феврале 1997 года, была не только последней оперой на сюжет Пушкина; она стала последней русской оперой на нашей сцене. Уже тогда образовалась трещина в отношениях с Россией, и некоторые невежды пытались выразить протест против постановки. Успех спектакля был оглушительный, каждое его повторение сопровождалось аншлагом, зрители представляли элиту интеллигенции. Теперь трудно сказать, кто был инициатором постановки – режиссер Гурам Мелива, или дирижер Джансуг Кахидзе, но артисты по сей день вспоминают, с какой отдачей эти музыканты шли к ее осуществлению.

В то время я не занималась публицистикой. Но впечатление от премьеры так взволновало, что, придя домой, я в подробностях описала спектакль, и теперь возвращаясь к этой записи в память о недавно ушедшем из жизни Гураме Фомиче Мелива. Те участники, которые оказались в Тбилиси – концертмейстер Виктория Чаплинская, певцы Реваз Лагвилава, Элене Джанджгава, Тамара Гургенидзе (исполнительница роли графини и помощник режиссера) – любезно согласились на встречу. Без промедления откликнулся на звонок и солист Большого театра Александр Михайлович Ломоносов, который дважды приезжал на гастроли с ролью Германа.

Вкратце об отношении тбилисских меломанов к операм Чайковского. Давно, в конце уходящего века, у организаторов Международной конференции памяти П.И. Чайковского на родине композитора в Воткинске (1990) возникла идея создания Всесоюзного общества Чайковского. В Грузии его предстояло возглавить автору этой статьи. Замысел не удался, но среди любителей музыки был проведен опрос для выяснения, какой опере Чайковского отдадут предпочтение тбилисцы. Я не сомневалась, что это «Евгений Онегин», приобщение к которому в

«былые времена» начиналось с ученических лет. Сколько радости доставляли устраиваемые театральной администрацией встречи с исполнителями в антрактах, фотографии школьников с артистами (вспоминаются Ольга Кузнецова, Лев Аракелов, Владимир Литовский...)! Но, к моему удивлению, все назвали «Пиковую даму»...

В новой постановке большую трудность представляло назначение артистов на главные роли, в особенности Германа. Исполнение этой партии грузинскими певцами имеет богатые традиции. Многие помнят блистательные выступления Зураба Анджапаридзе на сцене и в фильме-опере Романа Тихомирова («Ленфильм», 1960). Прославленным исполнителем героя «Пиковой дамы», был Давид Андгуладзе. Но эту триумфальную роль ждал трагический конец, превративший ее в лебединую песню; перед выходом на сцену артист оступился, получил перелом ноги и, к огорчению тбилисских почитателей, в театре уже не выступал. Преемником стал сын, Нодар Давидович Андгуладзе. Из гастроллирующих артистов в памяти надолго остался великий Николай Константинович Печковский.

Когда решение о возобновлении «Пиковой дамы» было уже принято, выяснилось, что в текущем составе никто не готов к исполнению главных ролей. И тогда Дж. Кахидзе рискнул утвердить на роль Германа молодого артиста Зураба Нинуа; далекий от героя как Пушкина, так и Чайковского, до поступления в театр он был солистом ансамбля «Рустави». Это вызвало большие нарекания болельщиков постановки, вплоть до выступлений в прессе. Однако усилиями режиссера, дирижера, и прежде всего незаменимого концертмейстера в подготовке русского репертуара и наставника певцов в обучении русскому языку Виктории Чаплинской, выступление состоялось. Неожиданным со стороны Д.Кахидзе был также выбор на роль Лизы недавней выпускницы консерватории Элены Джанджалия. Дипломированная в категории меццо-сопрано, она вскоре утвердилась в сопрановом репертуаре, спев за короткий срок партии Амелии, Аиды, Этери, и Кахидзе хорошо знал ее в этих ролях. Пока готовилась постановка, Джансуг Иванович щедро уделял Элене внимание, и это трогательное участие, наряду с отношением режиссера, отложилось в ее сознании как послание Высших сил. Это испытала на себе и Виктория Чаплинская,

и до сих пор, когда возникает необходимость принять ответственное решение, она мысленно советуется с этими двумя замечательными музыкантами.

О постановке спектакля Гураме Фомиче Мелива его участники высказываются с благоговением – эрудит, человек энциклопедических знаний, фанат театра и театрального этикета. Он был не только режиссер, но нередко и художник, автор декораций и костюмов. Если для Станиславского театр начинался с вешалки, то для Меливы он начинался трепетным вопросом сохранения пола на сцене. По словам Э. Джанджалия, на репетиции пускали только в специальной обуви, которая изготавливалась для каждого артиста. Время репетиций скрупулезно расписывалось, учитывалась каждая минута. В музыкальном материале проживалась не только каждая нота, но и пауза, что придавало захватывающую увлекательность работе с режиссером.

Новаторство не было целью постановки Г. Мелива, «постмодернизм», который уже начал пускать уродливые ростки, к чести режиссера, не коснулся его; неутомимую фантазию романтика он удерживал в рамках традиций. Однако моменты нового прочтения, не искажая авторскую концепцию, обильно заложены в мизансценах. Иногда они «провоцируются» эстетством автора. Так, увидев на репетиции Элене Джанджалия с прической «конский хвост», он воскликнул: «Наконец я нашел свою Лизу!» Отголосок впечатления – сцена в комнате Лизы до

▲ Пастораль «Искренность пастушки»

появления Германа. Арии «Откуда эти слезы» предшествовало переодевание перед сном. Сначала в кресло летел парик, открывая прическу «с хвостиком», за ним нарядное платье. И хотя пеньюар, в котором оставалась героиня, по современным понятиям, был всего лишь скромный сарафан, на репетициях такой «стриптиз» стал предметом зубоскальства, что немало смущало певицу.

Сценография этого эпизода, вывернутого «наизнан-

ку», повторилась в картине в спальне графини. Известно, что в истории постановок «Пиковой дамы» отношение к образу графини не было однозначным. Так выдающийся оперный режиссер Лев Дмитриевич Михайлов, перечитав перед очередной постановкой «Пиковой дамы» (1976) повесть Пушкина, открыл поразившую его деталь: оказывается, у старой графини было имя, звали ее Анна Федотовна. Произошла метаморфоза: окаменелый образ словно оброс плотью, наполнился кровью и даже стал излучать нежность. Ничего подобного не было в отношении к графине ни Г. Мелива, ни его ассистента Тамары Гургенидзе. Оба видели в ней лишь зловещую старуху, носительницу роковой роли, и лишь сейчас в беседе с автором этих строк Т. Гургенидзе согласилась признать в полубредовом пении старинной арии проблески чувства, которые сразу тонут в злобных покрикиваниях на приживалок. И для Меливы сцена в комнате Лизы стала поводом для углубления отталкивающих сторон судьбоносной героини. Подобно карикатурной аллюзии на сцену Лизы, начинается непредусмотренное в либретто переодевание графини. «Герман был свидетелем отвратительных таинств ее туалета», - пишет Пушкин. Снятый чепец с розами, напудренный парик – и сверкающая лысына!

В пометах на премьеру «Пиковой дамы» я отмечала демократизацию в трактовке второстепенных персонажей. Так Маша, горничная Лизы введена в сцену костюмированного бала, где ждут появления императрицы, и, на равных правах с великосветскими участниками, выступает в роли Прилепы в импровизированной пасторали «Искренность пастушки». Артисты вспоминают, что причина такой вольности – неотъемлемое от природы режиссера эстетство. Пленительная грация Чхиквадзе-Маши, стройность, выделяющая ее даже на фоне балерин-пастушек побудили Гурама Фомича продлить ее сценическую жизнь, и не только в картине маскарада: она сопровождает Лизу на роковое свидание с Германом.

По-новому представлена гувернантка. Эта эпизодическая роль всегда была популярна у зрителей – об этом недавно вспоминала Е. Образцова. Помнится, что наставники моего детства воспринимали эту чопорную, проникнутую русофобством персону всерьез, и такое понимание не было исключением. Какое восхищение вызывало тогда дидактическое наставление «Барышням вашего круга надо приличия знать»! Но Лейла Гоциридзе впервые изобразила другую гувернантку – дружелюбную, ласковую, готовую втайне потакать невинным шалостям своих воспитанниц. Она не противостоит, а как бы сливается с участницами этого поистине молодежного девичника (все исполнители были недавними выпускниками консерватории) с эффектным выходом Лизы и Полины (барышни шли навстречу, неся подсвечники с зажженными свечами), с красивым распределением игрового пространства.

Так же удачно распределилось игровое пространство между хором и мимансом в экспозиции оперы – картина Летнего сада, где каждый участник оказался наделен индивидуальными мимикой и жестами. Однако передвижению по сцене, при неиспользованном заднике, явно мешало неоправданное нагромождение станков. К тому же в декорации мало что было от Петербурга; по словам Резо Лагвилава, исполнителя партии Томского, зрители увидели «типично восточный двор» со своими атрибутами и явной «передозировкой» позолоты. Этикет общения между участниками сцены, и не только миманса, также был далек от Петербурга. Лагвилава вспоминает, как А. Ломоносов, «элитарный артист и утонченный интеллигент» (Виктория Чаплинская), деликатно заметил ему, что граф Томский не стал бы выставлять перед лицами собеседников три пальца – знак трех карт, или приветствовать появляющегося Германа поднятой рукой.

Первый, кто решился на ревизию вступительной картины оперы и стихов Модеста Ильича Чайковского, был Вс. Мейерхольд. Стихи он заменил прозаическим текстом

▲ Лиза (Элене Джанджалия)

▲ Лиза (Элене Джанджалия) и Герман (Зураб Ниноу)

▲ Томский (Реваз Лагвилава) и Елецкий (Эльдар Гецадзе)

Пушкина, а миманс «гривуазной шансонеткой», которую распевают пьяные офицеры. В ответ Д.Шостакович, преклонявшийся перед гением Мейерхольда, выступил в прессе с резкими упреками. Признавая, что спектакль получился «блестящий и поучительный», он предостерегает от следования по пути великого мастера, на котором режиссеров ждет «абсолютная неудача». Значительно позднее композитор А.Шнитке поставил вопрос о необходимости сделать в музыке «Пиковой дамы» купюры. С ним вступил в полемику дирижер А.Журайдис. Эта тенденция реализовалась в «Пиковой даме» Л.Михайлова, которая по праву считается вехой в истории жанра. Дети вообще не появляются на сцене, а ведь они олицетворяют зарю, будущее. Не потому ли Дмитрий Берман в своей постановке в Стокгольме населил сцену гуляющими дамами «на сносях»?

В первой картине Гурам Фомич далек от следования одному сценарию, он скрупулезно придерживается партитуры. Зазвучал детский хор, зачастую отвергаемый в современных постановках; в его исполнении угадывались трудности, которые достойно преодолели ребята, осваивая русский текст. Запомнилась маленькая вольность: «голос» мальчика-командира передан офицеру

Сурина; не было ли это данью памяти Мейерхольда?

Музыкальное исполнение прошло на прекрасном уровне: гениальный квинтет с экспозицией главенствующих персонажей, выходная ария Германа, баллада Томского. Последний номер, основа сюжетной интриги, приобрел великолепного исполнителя в лице Реваза Лагвилавы, который при нашей встрече представился как большой почитатель русской оперы. Неограниченные возможности диапазона, виртуозная техника во всех регистрах голоса позволили ему с легкостью овладеть труднейшей в баритоновом репертуаре партией Томского. Артист словно рожден для этой роли. Его персонаж нельзя приравнять ни к герою Пушкина, ни Чайковского, это Томский Лагвилава.

Режиссер с начала действия утвердил акцент над роковой связью графиня – Герман – Томский. Дети в Летнем саду, дарят Томскому цветы. Тот преподносит их графине, и когда, увидев Германа, она как замороженная впадает взглядом в незнакомого офицера, букет падает из ее рук. В сцене бала также главенствуют Томский, заводила трагических «проказ» великосветских повес, и графиня. По сценарию, бал открывает контраданс с барышнями и кавалерами в маскарадных костюмах. Вместо этого перед зрителями выстроены в форме каре хор; в центре его графиня. Видя Германа, она почти в обмороке устремляется к выходу, увлекая за собой Лизу, а Томский, доведя с друзьями Германа до иступления, спокойно шнурует ботинок (насколько это подошло графу?), готовясь к интермедии «Искренность пастушки».

Эта интермедия, разряжающая напряжение в ходе событий, пастораль с элементами фарса, один из лучших эпизодов постановки. Посрамленный Томский-Златогор, нежнейшая Павлиашвили-Миловзор (до этого артистка была Полиной в сцене девичника), пастушки в балетных пачках, похожие на старинные статуэтки...

На фоне легкомысленных, лишенных проблемка морали прожигателей жизни, в кругу роковых героев – Германа, потенциального преступника, и его жертвы графини, особняком стоит светлый образ князя Елецкого, антипода Германа. Зритель с ним знакомится в Летнем саду, в преисполненном трагических предчувствий квинтете. В этой роли замечательно выступил Эльдар Гецадзе. Сценический облик красавца, аристократа, без памяти влюбленного в невесту, гармонично сливался с проникновенным исполнением знаменитой арии – признании Лизе. Жаль, что таинственные маски, этих персонажей в картине бала, исчезли вскоре после премьеры.

В заключительной картине оперы, Томский, желая

▲ После спектакля. В первом ряду второй слева Гурам Мелива

развлечь убитого горем жениха Лизы, приобретает его к своим шутовским проделкам (при всем блеске игры Лагвилава, такой режиссерский ход не кажется эстетическими оправданными). По его настоянию благородный, оскорбленный в лучших чувствах Елецкий, без промедления осушает кубок, вскакивает на стул, вступает в разгульный пляс с игроками. Перед несостоявшимся женихом раскладываются карты (очевидно, крапленые), и смысл мизансцены за игральным столом – посвящение князя в секреты шулерских проделок. Иллюстрируя языком жеста песенку «Если б милые девицы так могли б летать как птицы, и садились на сучки», Томский назойливо тербит Елецкого. Сорванный с князя камзол превращается в руках Томского в сучок, где гнездятся веселые девицы, а перчатку проказник баюкает как их птенца.

Описывая спектакль, я обращаюсь к певцам, которых видела на сцене в четырех спектаклях, не касаясь их дублеров. Подлинным праздником стали гастроли солиста Большого театра, народного артиста России, лауреата Гран при в Париже Александра Михайловича Ломоносова; его второй приезд в 1999 году был связан с торжественно отмеченным в Грузии двухсотлетним юбилеем Пушкина. Трепетным было появление Германа на сцене. Сколько скорби скрывалось в его пластике, когда, при закрытом занавесе, на фоне увертюры артист в длинном плаще медленно двигался вдоль авансцены. Я не помнила такую сценографию в выступлениях Германа-Нинуа и спросила у Ломоносова, не он ли ее автор? Оказалось, автор Гурам Фомич, который сочинил такой выход специально для московского гостя. Я подумала: ведь таким же бессловесным удалением через авансцену завершился и сценический путь Лизы, представшей умирающему Герману как призрак («Красавица, богиня, ангел!») Выходит, такая «кантиленность» (термин Льва Додина) взаимосвязи персонажей – характерная примета постановки Г.Меливы (вспомним также о «переключке» эпизодов в комнате Лизы и будуаре графини).

Какое место в певческом репертуаре А.Ломоносова принадлежит «Пиковой даме»? Артист называет две любимые оперы – «Пиковую даму» и «Отелло» Верди, но, как исполнитель отдает предпочтение музыке Чайковского. Образ мавра, - считает он, - ослепленного ревнивыми

подозрениями, с его односторонним «бычьим темпераментом» (слова артиста – М.К.), не может до конца оставаться объектом сочувствия исполнителя, в то время как палитра психологических характеристик Германа дает щедрый материал для сценического проживания.

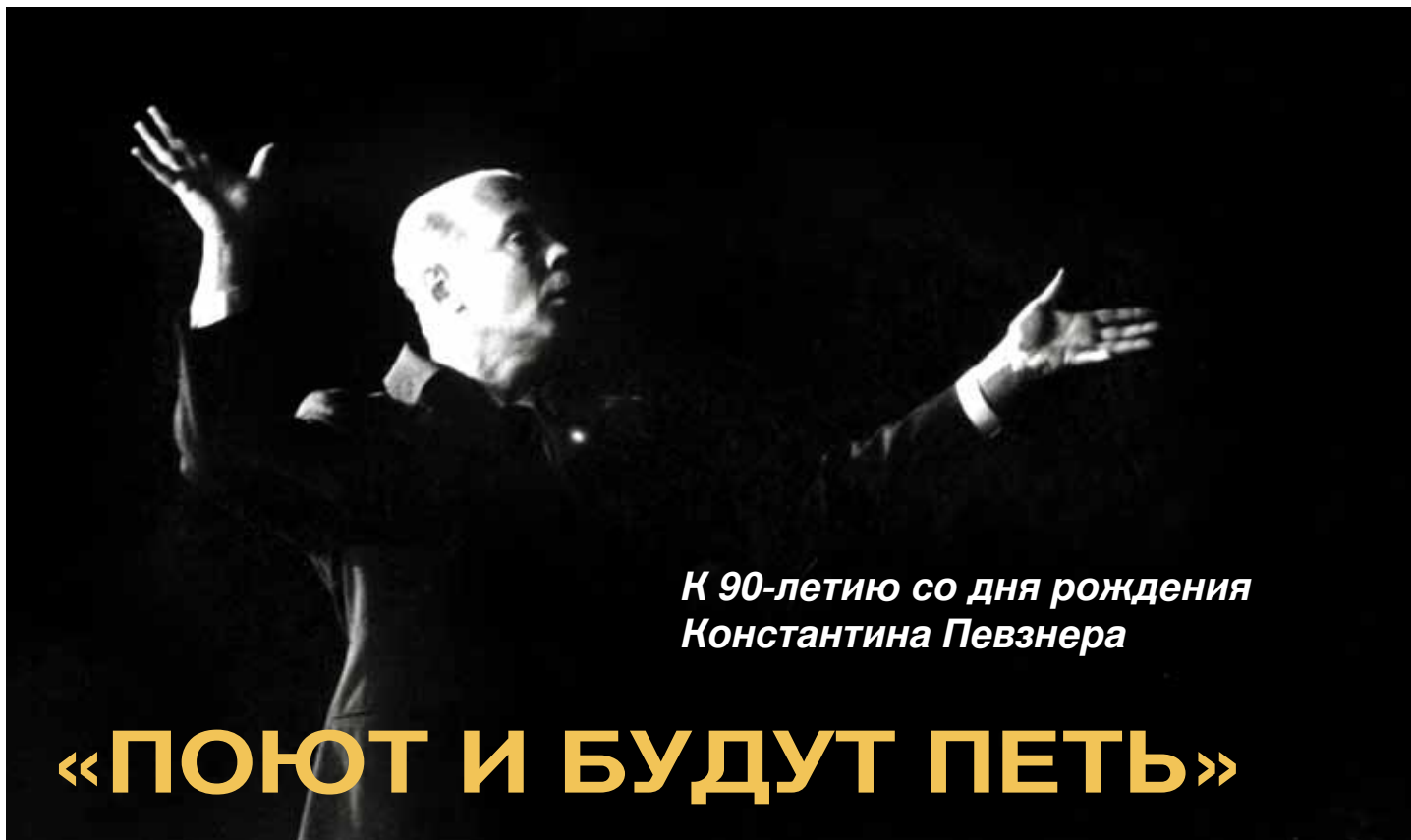
Роль Германа в исполнении Ломоносова увлекала не только драматизмом исполнения; редкая музыкальность певца очаровывала зал с первых звуков арии «Я имени ее не знаю». А какой эйфорией оборачивалась горестная подавленность в свидании после девичника, как торжествовали над ней светлые чувства, растворяясь в великой музыке Чайковского, этой песне торжествующей любви! Э.Джанджалия рассказывает, что в юбилейном (пушкинском) спектакле Александр Михайлович, увлеченный ролью, забыл о заключительной мизансцене и продолжал стоять. Тогда она, отважившись, произнесла от себя «Обнимемся», подошла к партнеру и упала ему на плечо.

В сцену в казарме органично вписался эффект нагнетания ужаса. Увиденная Германом в галлюцинации, графиня (исполнение Тамары Гургенидзе чередовалась с Этери Эгадзе) молит о спасении Лизы. От прикосновения ее руки темные волосы невольного убийцы становились седыми (ладони артистки, неприметно для зрителя, были в белой краске), и таким он оставался до окончания спектакля.

Кульминация трагического развертывания образа главного героя – в заключительной картине. Вызывающее появление в игорном доме, шутовская бравада арии «Что наша жизнь», затмение разума, самоубийство и леденящее душу покаяние – таковы грани завершения образа, где сполна раскрылось замечательное дарование Александра Михайловича Ломоносова, певца и артиста.

Близится к концу затянувшийся ремонт оперного театра и тбилисские меломаны надеются увидеть в его репертуаре долгожданные постановки опер Чайковского, и, в первую очередь, «Пиковой дамы». Хочется надеяться, что она сумеет противостоять распутившим пыльным цвет искажениям классики, и, следуя заветам Гурама Фомича Меливы, представит в первозданном виде музыку партитуры Чайковского.

Мария КИРАКОВОСА

**К 90-летию со дня рождения
Константина Певзнера**

«ПОЮТ И БУДУТ ПЕТЬ»

▲ Дирижирует Константин Певзнер

Так, двадцать лет назад определил судьбу песенного творчества композитора Константина Певзнера его друг известный грузинский режиссер Гига Лордкипанидзе.

Этих двух талантливых людей связывала многолетняя творческая и человеческая дружба, начавшаяся с тех пор, как в 1956 году Константин Певзнер начал создавать Государственный эстрадный оркестр «Реро». Театральный режиссер и музыкант, создатель оркестра прекрасно дополняли друг друга, т.к. Певзнер, по словам его соратника, удивительно точно чувствовал как музыкальную, так и театральную драматургию. Он выстраивал концерт, как единый сплав музыки, пластики, юмора. 20 лет прошло с тех юбилейных дней, когда тбилисская музыкальная общественность торжественно отмечала 70-летие замечательного музыканта, композитора, создателя и руководителя популярнейшего в те годы оркестра. Юбиляра не было уже в живых. Юбилей справляли в большом зале филармонии. Никогда не забыть мне эту атмосферу тепла и любви царившую в зале. Видные музыкальные деятели, друзья и просто благодарные слушатели не могли удержать эмоций. У многих в тот вечер блестяли глаза от слез. Это и понятно. Авторские песни Котика Певзнера, а также песни таких любимых в народе композиторов как Резо Лагидзе, Арчила Кереселидзе, Шота Милорава, Гоги Цабадзе, Бидзины Квернадзе, исполняемые оркестром «Реро», не могли оставить равнодушными никого, ни своих, ни иностранных слушателей. Мелодичность грузинских эстрадных песен, их лиризм и задушевность действовали одинаково на всех. Если кто и не понимал языка исполняемой песни, ясно было одно: это – Грузия, это – Тбилиси.

Годы проходят. Меняются вкусы и мода. Электронная музыка постепенно стала оттеснять оркестры и милые сердцу моего поколения лирические песни прошлого века.

И так отраднo, когда вдруг с эстрады, или в телепередаче услышишь незабываемые мелодии. Да, действительно поют и наверное долго еще будут петь песни

Котика Певзнера. Песни остаются в видеозаписях, на дисках... Но как сохранить образ человека с его неповторимым складом ума, с его артистичностью, обаянием и искрящимся юмором? Это остается лишь в памяти родных, близких и благодарных очевидцах.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЧАЕПИТИЕ

К моему большому сожалению, мы с Котиком (так его все называли) не были близкими друзьями, а то воспоминания о нем были бы ярче и глубже. Представляю, сколько интересного, неповторимого могут рассказать об этом талантливом и благородном человеке люди, с кем он работал, тесно общался, проводил досуг. Однако мои немногочисленные встречи с ним, оставили незабываемый след в памяти и праздник в душе. Праздник, потому что мы встречались с Котиком не в будни, не в рабочей обстановке, а в основном, за столом во время очередного дня рождения нашей общей любимой подруги Лии Мачутадзе.

Какое веселье царило за столом! И, конечно же, оно исходило, в основном, от Котика, хотя прибавляла огонек и сама хозяйка, наделенная незаурядным чувством юмора. Над чем смеялись? Передать эти импровизированные «концерты» трудно. Вот, рассказывает Котик анекдот. Отличный, свежий анекдот. Но как подан! С каким артистизмом, с какими интонациями, с точным ритмом. Весь рассказ идет от лица очень серьезного человека, у которого лишь в глазах заметны лукавые искорки. К развязке анекдота – обязательно пауза... И вдруг финал. Тут же потонувший во взрыве хохота. Прибавьте к этому выразительную мимику, жесты... Конечно же, это природный дар, с которым Котик не скупился делиться с приятными ему людьми. Быть душой общества было для него привычным и, как я заметила, пальму первенства уступал неохотно.

Однажды мне посчастливилось стать свидетельницей необычного турнира.

▲ А.Тарковский, С.Параджанов и М.Поляков на чаепитии у семьи Долидзе

Котик с женой и двумя нашими общими друзьями случайно попал к нам домой «на чашку чая». А у нас сидел гость, известный режиссер Сергей Параджанов, тоже известный душа общества, творческая энергия которого так и была у него ключом, заражая всех радостью и весельем. Увидев Котика, он оживился и стал «выступать». Чего только не было! Он пародировал известную певицу, балерину, аккомпаниатора. Было очень смешно и талантливо. Все смеялись и аплодировали триумфатору. Я взглянула на Котика и заметила, что улыбка у него натянутая, а лицо: «Обиженный мальчик, который вот-вот даст сдачи».

Наконец Сергей уgomонился и занялся Киевским тортом. Немного поговорили об украинской кухне и чуть затихли. И вдруг среди тишины вступает голос Котика: «Да, есть вкусные блюда у украинцев, но мне больше нравятся их фамилии. Знаете, как старшина вызывает украинских новобранцев по фамилиям?» И наш уважаемый Константин Певзнер на глазах у всех превратился в туповатого, с соответствующим лицом солдафона. Запнясь, словно не веря своим глазам, он произнес фамилию солдат (не для печати) и каждый раз недоуменно хлопал ресницами, пожимал плечами, почесывал затылок. И все это переходило в полное крещендо и закончилось маской с выпученными глазами и открытым ртом.

Все присутствующие захлебывались чаем и смехом. Предыдущий артист тоже хохотал от души. После этой миниатюры последовали другие, не менее смешные. Все вытирали слезы, а Котик, взяв реванш, спокойно допил свой чай. И я тогда подумала, и, наверное, не только я: «Если бы Котик не стал талантливым музыкантом, он мог бы с таким же успехом стать режиссером».

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Вспоминать Котика в отрыве от Мерции почти невозможно. Их супружество было настолько взаимодополняющим, что и сейчас, при упоминании Котика, тотчас возникает имя Мерции.

А Мерция после стольких лет вдовства, говорит о муже так, будто он где-то рядом, живой и она снова должна позаботиться о нем. А как еще позаботиться? Могла ухожена, вечера памяти проведены (и очень успешно), прекрасная книга «Оранжевая песня» выпущена... И все равно неутомимая Мерция хочет сделать еще что-то, чтобы помнили его всегда, ее любимого и неповторимого Котика.

Кстати о книге.

Представьте кошмарный для Грузии 1994 год. Страна еще не оправилась от гражданской войны. Всюду темнота, холод и очереди за хлебом. Работы нет. Ближайшая подруга приглашает пожить у нее в Москве: «Авось работу найдешь».

▲ Мерция и Константин Певзнеры

Поеду, решила я и стала снаряжаться в путь. Беру большой чемодан и ручную кладь. (Может, придется пожить полгода, а то и больше).

Вдруг, звонок из Москвы. Мерция: «Я узнала, что ты едешь в Москву, умоляю, захвати с собой книгу о Котике, тебе принесет ее моя сестра. Мэги». «О чем речь! – говорю я с энтузиазмом, не подозревая на что иду. – Можешь не встречать, добавляю я великодушно, книга меня не затруднит». К отъезду в аэропорт подъезжает к моему дому Мэги и выносит, держа в обеих руках что-то похожее на большой торт. Очень скоро выяснилось, что это не торт, а книга! Сверстанная книга с гранками, разложенными по порядку, и не дай Бог что-то сдвинуть с места. Что было делать? Ручную кладь аннулировали, а я, держа на коленях это сооружение, не двигаясь, долетела до Москвы.

Книгу напечатали вовремя, а я, получив в подарок ее свежий экземпляр, испытала приятное чувство от того, что какой-то мизерный вклад и я вложила в это очень и очень нелегкое дело.

Я часто думаю, что мало найдется среди моих знакомых женщин способных сделать то, что может Мерция. Дай ей Бог здоровья и силы, чтобы она могла продолжать свои хлопоты и заботы о своих родных и близких.

Нелли ДОЛИДЗЕ

ПОМНИТЬ КОТИКА

Итак Государственный эстрадный оркестр Грузии «Реро». Гастроли по всему Советскому Союзу – от жарких республик Средней Азии до крайнего севера. 20 человек оркестрантов, солисты-вокалисты, технический персонал, конферанс, вокальный секстет, большая балетная труппа – это был настоящий шоу-бизнес в отличие от некоторых сегодняшних молодежных групп, бречащих на электрогитарах.

Руководить этой человеческой армадой, миром непомерных, часто нереализованных амбиций и закулисных интриг – задача не для слабонервных, но композитор и дирижер Константин Григорьевич Певзнер с блеском справлялся с этой задачей, т.к. кроме музыкального таланта, он обладал, на мой взгляд, не менее важным: талантом общения с людьми. Дилетантизма в работе Котик не терпел. Все это в сочетании давало прекрасные результаты, выраженные в аплодисментах, сравнимых с шумом Ниагарского водопада.

Известнейшие в Советском Союзе балетмейстеры Юрий Шерлинг, Борис Эйфман, режиссер Евгений Гинзбург вносили свой весомый вклад в постановку новых

▲ Александр Беридзе

программ, а литературная часть поручалась известному писателю-сатирику Аркадию Арканову, которому принадлежит юмористическая фраза о монументе Матери-Грузии на Комсомольской аллее: «Кто к нам с мечом войдет, от вина и погибнет!»

Творческий процесс плавно переходил в теплые, дружеские застолья со всеми атрибутами грузинской кухни. Это были люди одной социальной среды, одного культурного уровня, которым хорошо, комфортно и легко в обществе друг друга и не скрою, мне было лестно время от времени находиться в такой компании. В результате, эти киты искусства покидали Грузию с большой любовью к нашему народу вообще и к Котику Певзнеру, в частности.

В нашем доме часто бывал кинорежиссер Сергей Параджанов и как-то они познакомились, Параджанов и Певзнер. Надо было видеть их взаимный искренний интерес. Они буквально вцепились друг в друга и не могли наговориться! Это было какое-то обоюдное фонтанирование, каскад эмоций.

Чувству юмора научить человека нельзя, оно либо есть, либо его нет. Так вот Котик обладал этим даром в избытке. Это проявлялось и в курьезных ситуациях, неизбежных в гастрольной жизни. Чего, например, стоит эта история, когда спустившись в холл гостиницы «Пекин» в Москве, Котик протянул швейцару 5 рублей и попросил вызвать такси. Вдруг швейцар расправляет плечи и произносит ледяным тоном: «Между прочим, я не швейцар, а капитан первого ранга!» И это было действительно так. Он был в полной морской форме, в форменной фуражке, кителе с блестящими пуговицами, одним словом, «при всех эполетах». Тут, после последовавших рукопожатий, мол, «простите меня великодушно, ваш наряд ввел меня в заблуждение», капитан промолвил, «Ничего, всякое бывает». И тут Котик говорит ему: «Ну что ж тогда, пожалуйста, вызовите катер, что ли?» и оба начали смеяться.

Таков был наш обаятельный и всеми любимый Константин Певзнер. Вспоминать можно бесконечно...

Александр БЕРИДЗЕ

«ПЕСНЯ – ЖИЗНЬ МОЯ»

(Баллада)

Каждой жизни срок проходит,
Радость вдруг сменяет горе,
Человек от нас уходит
То ли в небо, то ли в море,
То ли в вечность уплывает
Тихой птицей на просторе,
Чтобы песней обернуться,
Песней к нам вернуться вскоре.

Так и я
Сегодня с Вами
Завтра может стать разлука,
Может позже
Может ранее
Жизнь, друзья, такая штука.

Но не будем омрачать мы,
Встречу грустными словами,
Кто грустит, тот и смеется,
И скажу я, между нами,
Песня с Вами остается
Песня с вами остается
Песня остается с вами.

Песня – жизнь моя,
Песня – смерть моя
Без нее мне на свете нельзя,
Ни на том, ни на этом.
Мы поклялись друг другу в любви,
Там где ты, там и я,
И с тех пор
И с тех пор моя жизнь только в этом.

Можно песню продать,
Можно песню предать,
Растоптать ни за что,
Насмеяться над песнею можно
Но заставить не петь,
Но заставить ее замолчать
Или песню отнять у меня
Невозможно!

Каждой жизни срок проходит,
Радость вдруг сменяет горе,
Человек от нас уходит
То ли в небо, то ли в море,
То ли в вечность уплывает
Тихой птицей на просторе,
Чтобы песней обернуться,
Песней к нам вернуться вскоре.

Константин Певзнер

▲ Иосиф Гришашвили

ЕГО УДЕЛ – БЕССМЕРТИЕ

Справедливость требует признать, что классик грузинской литературы XX века, выдающийся поэт и исследователь, общественный деятель, зачинатель многих больших национальных дел, которые всегда завершал с успехом, Иосиф Гришашвили, к сожалению, все еще не оценен по достоинству.

В начале минувшего столетия совсем молодым поэтом, Иосиф Гришашвили внес новую струю в грузинскую лирику. Как сам он вспоминал, первые его стихотворные публикации появились в 1906 году. И сразу же привлекли к себе внимание читателей и критики, в которых уже никогда не было недостатка. Широкая популярность и всеобщая любовь обеспечили ему звание народного поэта. О его необычайной популярности свидетельствует хотя бы тот факт, что он устраивал литературные вечера вместе с Акакием Церетели, и это всегда было желанием автора «Цицинатэлы» и «Сулико». Известно, что сам юный Галактион Табидзе испытывал сильное влияние поэзии Иосифа Гришашвили, что отразилось на его раннем творчестве.

Велика роль Иосифа Гришашвили в осуществлении реформы грузинского стиха, которая произошла в начале XX века. Реформа позволила преодолеть устаревшие штампы, эпигонство, тормозящую развитие инерцию. Грузинская поэзия обрела европейский облик так, что не утратила своей самобытности.

Для того, чтобы дать читателю более или менее полное представление о заслуге и месте Иосифа Гришашвили в грузинской литературе, приведу несколько абзацев из предисловия известного исследователя грузинского стиха, доктора филологии Теймураза Доиашвили, предпосланного к двенадцатому тому «Антологии грузинской поэзии»: «Иосиф Гришашвили был одним из первых, кто высвободил грузинский стих из плена ритмико-интонационных шаблонов. Его «Романс», «Генацвале», «Наргизи» и другие произведения были новаторскими в поэзии 10-х годов. Он заново открыл и возродил музыкальность грузинского стиха, вернул

стиху образный блеск, звуковое богатство рифмы.

Суть новаций Иосифа Гришашвили выразилась в содержательно-поэтической модернизации восточных мотивов. Это был опыт облачения пересаженного на грузинскую почву восточного начала в одеяние европейской культуры, что проявилось в таких его шедеврах как: «Триолеты на Шайтан-базаре», сонете «Мусульманка у Суры-Саркиса» и других, где в классических европейских формах разработаны мотивы восточной окраски».

Иосиф Гришашвили с юности любил таинственный мир театра. Дружеские узы связывали его с артистами, режиссерами, драматургами (он и сам писал пьесы), среди которых были такие яркие звезды, как Валериан Гуния, Васо Абашидзе, Мако Сафарова, Нато Габуния, Ладо Месхишвили, Нико Гоциридзе. Элисабед Черкезишвили, Шалва Дадиани, Сандро Шаншиашвили, Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметэли, Вано Сараджишвили, Ушанги Чхеидзе, Нато Вачнадзе, Верико Анджапаридзе, Михаил Чиаурели, Сесилия Такашвили, Васо Годзиашвили, Акаки Хоравва, Акаки Васадзе, Серго Закариадзе... Не правда ли какая блистательная плеяда?

О молодом Иосифе Гришашвили особенно заболтался Валериан Гуния, который тогда редактировал и издавал свой журнал «Нишадури» («Нашатырь»). Он назначил поэта своим заместителем и вверил ему все редакционные дела (1907 г.). В 1908 году Иосиф Гришашвили начал работать суфлером в театре и одновременно исполнял второстепенные роли, как говорится, глотнул театральной пыли. Его любовь к театру не остывала до конца его дней. Этой любовью проникнуты статьи и рецензии И.Гришашвили на различные спектакли. Нельзя не отметить его книгу «В старом театре» (1948 г.), написанную профессионально, живо, с глубоким знанием материала. Интересную монографию написал он о достойном последователе Васо Абашидзе, наделенном многосторонним талантом комедийного актере Нико Гоциридзе (1924 г.), а также – об Элисабед Черкезишвили, на смерть которой (1948 г.) он написал и прочел в Дидубийском пантеоне волнующее стихотворение. Последнее слово великой актрисы было «театр».

Много сделал Иосиф Гришашвили для верной оценки деятельности выдающегося армянского драматурга Габриэла Сундукяна, чья пьеса «Пепо» в течение десятилетий с большим успехом шла на грузинской сцене и по сей день не утратила интереса. К песне для кинофильма «Пепо» он написал прекрасный текст, сразу же полюбившийся зрителям. Вообще на стихи И. Гришашвили создано немало прекрасных романсов.

Особо следует отметить заслугу Иосифа Гришашвили в переводе на грузинский язык прозы и поэзии классика армянской литературы Ованеса Туманяна.

Иосиф Гришашвили не оставил без внимания и детскую литературу. Наши дети и сегодня с увлечением читают его поэмы и стихи для детей и юношества, пронизанные тонким юмором и лиризмом.

Хорошо известно, что он был серьезным и принципиальным исследователем литературы. В отдельных случаях, когда он писал о жизни и творчестве того или иного писателя, он бывал очень эмоционален, что придавало его исследованию особую эстетическую ценность. Для подтверждения этого достаточно почитать его очерки о Саят-Нова, об Александре Чавчавадзе и Авксентии Цагарели. У него был колоссальный опыт работы в архиве и безошибочное чутье, что отразилось

в его многочисленных и разнообразных работах.

В богатом литературном наследии писателя совершенно особое место занимает блестящее исследование эссеистского типа «Литературная богема старого Тбилиси», в которой собраны драгоценные сведения о значительнейших представителях нашей городской поэзии – Саят-Нова, Иэтим Гурджи, Хазира, Бечара, Гивишвили, Скандар-Нова. А также уделено внимание менее талантливым и забытым ашугам, без которых нельзя воспроизвести полную картину тех времен.

Сам Иосиф Гришашвили был в долгу у городского фольклора. Он по-своему обработал не один его мотив, и в предисловии к этой неувядаемой книге, преисполненный благодарности, пишет о божественной силе вдохновения, которая подвигла вышедшего из ремесленнической среды поэта на создание столь привлекательной и живой летописи.

«Удивительна расцветившая полнота старого Тбилиси!.. Течение времени раскрыло сердце этой тайны. Здесь, в глубине сердца Старого города возник естественный источник – чистый родник и начало волшебной прекрасной поэзии. Я испил из этого родника обеими горстями и горжусь тем, что в моих жилах бьет ключом его благодатная струя.

...

Я Тбилиси люблю.

Люблю эту древнюю колыбель поэзии, эту беззаботную богему, это трепещущее сердце Грузии... Это начало и конец моего сиротливого существования».

Следует сказать, что «Литературная богема старого Тбилиси» была переведена на русский язык талантливым литератором, переводчиком Нодаром Тархнишвили, опубликована в «Литературной Грузии», издана отдельной книгой в издательстве «Мерани» (1977) и сразу же стала библиографической редкостью.

Особый вклад писатель внес в грузинскую культуру как лексикограф, причем лексикограф, обладающий всесторонними знаниями. В конце прошлого века, а именно в 1997 году был издан составленный Иосифом Гришашвили «Городской словарь». Подготовленный к печати опытным текстологом подготовила Русудан Кусрашвили. Эта книга сейчас является бесценным сокровищем нашей культуры. Небезынтересно, что взявшись за этот труд писателю посоветовал патриарх

грузинской историографии Иванэ Джавахишвили. В заключительном абзаце аннотации книги сказано: «По своему историческому, этнографическому, литературному и фольклорному характеру «Словарь» уникален. А с лексикологической точки зрения он единственный как словарь единственного города – Тбилиси».

В книге собраны редчайшие сведения и факты, освещенные с разных сторон, поданные маленькими статьями. Непостижимо, как мог справиться с таким огромным материалом один человек!

В авторском вступительном слове, написанном лаконично, емко, читаем: «Тбилиси, как сердце Грузии, собирает вокруг множество незнакомых слов. Язык Тбилиси – энергичный, яркий. Часто тот или иной термин звучит на этом языке столь четко и пластично, что соответствие этого слова выражается сразу же. Тбилисский язык обладает тайной интонаций, и я вот тридцать лет тщательно собираю услышанные в Тбилиси слова, которых не найти ни в одном словаре...»

Городской язык – жаргон (арго) рождается там, где живут остроумные люди, веселые, беззаботные, где царит неиссякаемая любовь к жизни и к человеку».

«Городской словарь» дает нам основание заявить, что Иосиф Гришашвили – прямой и достойный наследник гениального Сулхан-Саба Орбелиани, и идет по следу «Ситквис кона» («Букета слов») составленного человеком энциклопедического образования.

В 80-х годах прошлого века я вместе с моим другом поэтом Гиви Гегечкори работали над составлением шестнадцатого тома грузинской поэзии. Нам часто приходилось обращаться в дом-музей Иосифа Гришашвили, где нам очень помогал директор Нодар Григорашвили. Без хранившихся в гришашвилевском фонде текстов этот том не был бы полноценным. Работая там, мы поняли, каких трудов и средств стоило поэту создание этой библиотеки, уход за ней и какое богатство она представляет.

Много раз встречал я Иосифа Гришашвили в букинистических магазинах Тбилиси, откуда он выходил, нагруженный связками старинных книг и журналов. Это было одним из его любимейших занятий и отнюдь не мешало его плодотворной творческой деятельности. Напротив, неистребимая страсть обнаружить и приобрести редкое интересное издание придавала ему силы.

Общеизвестно было, какой феноменальной памятью обладал Иосиф Гришашвили. С одного прочтения он мог запомнить понравившееся ему стихотворение. Насмешкой судьбы кажется то, что к концу жизни именно эта фантастическая память изменила ему. В противном случае он, вероятно, оставил бы нам интереснейшую книгу мемуаров. Когда в 1951 году он переехал из своего любимого старинного района Тбилиси Харпухи на Вере, по соседству со мной, я часто его встречал. Тогда это мне казалось обычным делом.

Как-то раз, – было это за год до его кончины (1964), осенью, - я повстречался с ним в книжном магазине «Чирагдани» («Факел») - этот прекрасный магазин, к сожалению, стал жертвой рыночной экономики. Увидев меня, батони Иосиф обратился ко мне и спросил: «Ну-ка напони, как фамилия писателя, который вместе с женой покончил с собой. Его книга издана на грузинском, а я никак не вспомню фамилию!» Я ответил – Стефан Цвейг, он улыбнулся, подошел к прилавку и тут же снова обернулся ко мне, растерянный – он тут же забыл фамилию Цвейга. Я приблизился к молоденькой продавщице, сказал, что надо было и попросил обслужить старого знаменитого поэта и, чтобы не смущать его, вышел из магазина. Это оказалась моя последняя встреча с ним. Я знал, что он тихо угасал, прикованный к постели.

Знал я и то, что последним его пристанищем станет пантеон на Мтацминда, на Святой горе и имя его заблистает еще ярче. Такова судьба истинных творцов, бессмертных сынов своей родины.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод Камиллы-Мариам Коринтэли

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ

ЭПИТАФИЯ

Да, закатится солнце мое, оборвется
дорога,
напечатают скромный столбец – десять
строк некролога.
Напечатают где-то в конце, под газетною
сводкой:
Он любил и любовь воспевал в этой жизни
короткой.

Да, любовь воспевал – не обман, не
вражду и не злобу,
Да, любовь воспевал и за мир он боролся
до гроба.
Значит стоило жить, значит дни мои зря
не пропали,
если имя мое ни вражда и ни ложь не
пятнали.

Если даже один кто-нибудь вдохновится
строкою моею,
Значит, правильно жил я,
и о прожитом я не жалею!

1954

Перевод Д.Самойлова

ПРОЩАНИЕ СО СТАРЫМ ТБИЛИСИ

Ты прочитал иероглифы,
и хроники тебе дались,
а видел ли, какой олифой
старинный выкрашен Тифлис?

Блуждая в шумных Сирачханах,
былого ярком очаге,
дивился ль бурдюкам в духанах,
и чианурам, и чарге?

И если к древностям забытым
и нежности тебе придам,
легко поймешь, каким магнитом
притянут я к его вратам.

И ты поймешь, за что нападок
я у поэтов не избег,
и силами каких догадок
я воскрешаю прошлый век.

Вот зрелище – глазам раздолье!
Но и следов уж не найти
ковровых арб на богомолье
с паломниками на пути.

Вино на кладбище не льется,
оборван на платке гайтан,
о чоху черную не трется
к дверям привязанный баран.

Исчез кулачный бой, амкары,
игра в артурму, плясуны.
Все это – достоянье старей,
давно забытой старины.

Я на спине лежу на кровле.
Рассвет огнем взрывает высь.
Мой слух далеким остановлен:
зурны разливы раздались.

Я жду мелодии знакомой
с конца дороги проездной,
но ветер, не достигнув дома,
ее пронесет стороной.

Взамен шикасты – пара высвист
и частый стук по чугуны.
Напев, будивший вихрь неистовств,
как в клетке соловей, - в плену.

С кем разделить мою незванность?
Я до смерти ей утомлен.
Меджнун без Лейлы, я останусь
предвестником иных времен.

Тбилиси древний мой, не надо!
Молчу, тут сил моих предел.
Но будь в преданье мне в отраду
таким, как я тебя воспел.

Тбилиси древний мой, - сомненьям
нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим.
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

1925

Перевод Б.Пастернака

ОНА ИЗЛУЧАЛА СВЕТ...

Тбилисцы часто иронизируют – «Тбилиси очень маленький город». В том смысле, что здесь все знают друг о друге все. В актерской среде – тем более. Участь сия не миновала и актрису Медею Джапаридзе. При жизни она была окружена любовью и восхищением – не только зрителей, но и коллег, что бывает совсем нечасто. Зависть, злословие, интриги не коснулись ее, хотя сама она в житейских ситуациях часто попадала впросак по какой-то невероятной своей доверчивости и почти наивности. Ее любили абсолютно все: и в театре Марджанишвили, которому она отдала полвека, и в самых затерянных уголках Грузии, и в Москве, где без нее не проходил ни один творческий вечер, связанный с Грузией, и где она сыграла Клеопатру с Ростиславом Пляттом – Цезарем, леди Анну с Михаилом Ульяновым – Ричардом...

Она была не просто очень красива, но удивительно естественна и непосредственна, больше всего подкупала ее простота, в ней не было ни капли высокомерия, свойственного женщинам-красавицам. Знавшие актрису в молодости утверждают, что ее красота не поддавалась описанию. Ни многочисленные портреты актрисы, ни кадры из обошедшего все экраны фильма «Кето и Котэ» не могли передать ее истинного очарования.

Говорят, при виде юной Медеи умудренные опытом люди только развели руками и произносили: «Ангел». С этим словом абитуриентку из Тбилиси принял вольнослушательницей в школу-студию МХАТ ее учитель, великий Топорков, и это было неслыханным по тем временам нарушением, потому что она опоздала на экзамены. Но отказать ей ни у Топоркова, ни у самого ректора не повернулся язык. Так это осталось на всю жизнь, отказать ей было невозможно – ни тогда, ни позже. Перед ее просьбами никто не мог устоять, даже партийные чиновники: Джапаридзе, будучи депутатом Верховного Совета СССР от Грузии, выступила однажды на сессии с предложением увеличить дотацию для грузинских театров. И что вы думаете, произошло невероятное – Грузия получила огромную надбавку к бюджету.

Было в ее красоте что-то необъяснимо притягательное. Когда Джапаридзе выходила на сцену, казалось, что она излучает сияние. Это не было игрой света или театральным эффектом. Иногда в какие-то моменты по залу пронесился единодушный ропот восхищения. И так было всюду, где бы она ни появлялась. Рассказывают, что после гастролей афиши с ее портретом так и оставались висеть – у тех, кто их расклеивал, рука не поднималась заменить их.

Известно также, что в советские времена фотография актрисы висела в российской тюрьме в камере знаменитого Джабы Иоселиани, близкого друга мужа Медеи и их семьи. Начальство тюрьмы во время обхода приняло ее за икону. Испугавшись религиозной пропаганды, фотографию немедленно было приказано снять – «здесь не место иконе». Для Иоселиани Медея действительно на всю жизнь осталась иконой – депутат Верховного Совета СССР Джапаридзе выхлопотала у Микояна перевод за-

▲ Клеопатра (Медея Джапаридзе)

ключенного Иоселиани из Сибири в тбилисскую тюрьму.

Как это ни парадоксально, иногда внешность мешала ей на сцене – редкий случай избыточности красоты. У актрисы были отличные данные для характерных ролей, но режиссеры того времени не часто их использовали, предпочитая очевидное – ее идеальную красоту. Зато те, кто видел на марджановской сцене ее беззаботно порхающую, озорную Маринэ-Стрекозу или лениво-томную учительницу французского с длинной папироской и изысканным прононсом, никогда не забудут этих ролей. Хотя в истории театра она останется как Джульетта, Беатриче, Элиза Дулитл, Клеопатра.

Об идеальности красоты актрисы ходят легенды, иногда парадоксальные. Но однажды эта идеальность была подтверждена научно. Во время международного симпозиума антропологов, в зале висели фотографии самых красивых женщин, но только у фото Джапаридзе постоянно лежали цветы. Оказывается, ученые-антропологи таким образом воздали ей должное, они нашли в ней единственный в своем роде, редчайший образец абсолютной симметрии черт лица. Хотя, разумеется, секрет ее магического обаяния не в математически точных пропорциях.

Вспоминают, что Каталикос Армении Вазген во время театральных гастролей Джапаридзе в Ереване, увидев ее на приеме, был совершенно поражен. Несмотря на то, что, как всегда, она опоздала, глава церкви встал ей навстречу и, сняв перстень со своей руки, подарил его актрисе.

Джапаридзе неизменно вызывала и восхищение, и поклонение. В этом плане ее, пожалуй, можно было бы сравнить с Вивьен Ли. Но в отличие от своей английской коллеги ей посчастливилось никогда не испытать одиночества. Всю жизнь Медея Джапаридзе была окружена любовью мужа и сына. Ее муж, знаменитый Резо Табукашвили – человек редкой эрудиции, пожертвовавший ради нее карьерой дипломата, стал широко известен как кинодокументалист, литератор и режиссер. А сын Лаша Табукашвили – ныне признанный драматург. И для обоих

она служила музой, оба посвящали ей свои литературные творения.

Она была как будто не от мира сего. Над ее неприкосновенностью мягко подшучивали актеры, ее ничего не стоило разыграть, и все заранее знали, что она поверит всему и легко попадет на любую удочку. Но театру Джапаридзе была предана безраздельно. Однажды на репетиции в марджановском, увлекшись, она упала в оркестровую яму, но даже не подумала прервать репетицию. Повторяя все время «ничего, ничего, продолжим», она вылезла, встала на сцене в прежней позе и – упала, потеряв сознание. Отар Мегвинетухуцеси, вспоминая о репетициях с Медеей, говорил, что она могла работать сутки, лишь бы партнер выдержал. И для этого была готова сделать все. Например, он никак не мог понять, почему в трудные репетиционные моменты она лезла к нему в карман. Приходя домой, он обнаруживал то яблоко, то вареное яйцо. Когда рассказал жене, та расхохоталась: «Это я виновата. Медее спрашивала меня, как сделать, чтобы Отар был в хорошем настроении, тогда с ним легко работать. Я и сказала ей – главное, он не должен быть голым».

С актрисой постоянно происходили какие-то курьезы. Она вечно всюду опаздывала, даже в театр. Хватала такси и летела на репетицию или спектакль, бросив водителю: «В марджановский». И вдруг однажды она слышит от шофера: «А где это?» Актриса буквально опешила, но вынести такого невежества не могла. «Останови!» - закричала она, вылетела из машины и пошла пешком – в знак протеста, опоздав при этом невероятно.

Только Медее Джапаридзе могла в глухие времена

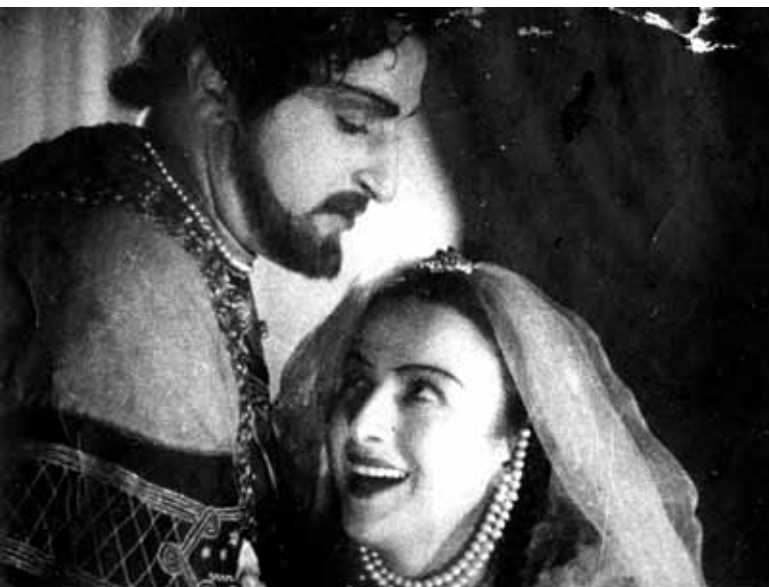
шадзе все тем же известным способом заходит в квартиру к актрисе, окликает ее и слышит в ответ: «Натела, проходи, раздевайся и ложись». Оказалось, Джапаридзе где-то вычитала: для того, чтобы максимально и быстро отдохнуть, надо лечь и при этом обязательно раздеться. И она неукоснительно следовала этому правилу, распространяя свои знания среди подруг.

Редкая отзывчивость и доброта актрисы также вошли в преданье. Будучи депутатом Верховного Совета СССР она постоянно хлопотала за кого-то в высоких инстанциях. Все просьбы очень близко принимала к сердцу и реагировала с такой непосредственностью, что это стало достоянием истории. Однажды приходит к ней на прием старик и говорит, что 37 лет проработал ночным сторожем. «Вы 37 лет не спали?!» – восклицает она.

Джапаридзе с полной серьезностью относилась ко всем просьбам знакомых и незнакомых людей, помогала как только могла. В шутку говорят, что, продлив ее депутатство, она забыла бы и театр, обивая пороги чиновников. К счастью, этого не произошло, и в памяти она осталась незабываемой актрисой.

Она любила розовый и бирюзовый цвет. И вообще, нежные светлые тона. Она и сама излучала свет, который угас вместе с ней. Кажется, с Медеей Джапаридзе ушла целая эпоха, в которой было место красоте, добру и чему-то светлому. В наше время эти понятия все дальше отодвигаются от нас, уходят вместе с людьми.

Похороны Медее Джапаридзе в апреле 1994 года надолго запомнились всем нам. Тогда в Тбилиси это было единственное всенародное шествие, не связанное с политикой. Движение транспорта у театра им. Марджа-

▲ «Цит Джургая»

▲ Джульетта

«железного занавеса» привезти из Франции в подарок актрисе Елене Кипшидзе, длинные белые бальные перчатки.

- Куда же я их надену? - всплеснула руками Кипшидзе.

- Придет время, еще будут балы, обязательно будут, - серьезно уверяла ее Медеей.

Критик Натела Урушадзе, дружившая с актрисой, вспоминала, что Медее постоянно теряла ключи от квартиры и, наконец, ей пришлось в голову обойтись вообще без них. Вместе с мужем они решили эту проблему просто: вырезали в двери большую дырку, чтоб открывать замок изнутри, просовывая руку. А так как в те времена они жили в актерском доме, больше похожем на общежитие, то все знали эту премудрость и входили к ним в любое время запросто, как это принято в Грузии. Как-то Уру-

нишвили было перекрыто, очередь для прощания растянулась по всей улице. А на сцене у гроба актрисы рядом с сыном стоял его крестный отец – тогда еще всемогущий Джаба Иоселиани. Это во многом благодаря ему в те смутные времена могли быть организованы столь достойные похороны: он даже выписал из-за рубежа лимузин-катафалк, сопровождавший процессию. Хотя для гроба лимузин не понадобился, потому что весь путь до Дидубийского пантеона гроб несли на руках...

Не знаю, висел ли чуть позже, уже в тбилисской тюрьме, портрет Медее Джапаридзе в одиночной камере Джабы Иоселиани после знаменитого политического судебного процесса. Жаль, что не спросила, когда он из тюрьмы давал мне обширное интервью.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

НЕПЕРЕВОДИМОЕ ВОЗМОЖНО

В июне свое 80-летие отмечает ученый, литератор и общественный деятель Натан Баазов. Едва ли в Тбилиси найдется кто-либо, не знакомый с этим удивительно интересным, необычным и немного суетливым человеком.

Натан Герцелевич – продолжатель блестящей династии Баазовых. Его прадед, дед и отец оставили большой след в истории и культуре Грузии. Однако, обо всем по порядку.

ЕГО ПРЕДКИ

В предисловии к своей книге «555 лирических стихотворений», Натан Баазов пишет: «Прадед – Менахем Баазов был цхинвальским раввином. Дед – Давид Баазов был онским, ахалцихским и тбилиским раввином. Улицы его имени есть в Тбилиси, Иерусалиме, Холоне. Мемориальные доски в Тбилиси и Они. Его имя носит Историко-этнографический музей евреев Грузии.

Отец – Герцель Баазов, грузинский прозаик, драматург, поэт, переводчик, публицист, был председателем драмсекции Союза писателей Грузии. Улицы его имени в Тбилиси, Они, Тель-Авиве. Четыре мемориальные доски в Тбилиси и Они. Его именем назван грузинский театр в Израиле.

Мать – Софья Баазова, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Грузии, была Главным невропатологом курортов Грузии».

А если одной строчкой Всеволода Багрицкого, то он говорит: «Все-таки предки мои, евреи, были умные старики».

Герцель Баазов родился в маленьком грузинском городке Они. Городок этот называли маленьким Иерусалимом. И не случайно – евреи там сохраняли необычайную духовную чистоту. Крохотный Они стал отправным пунктом широкой сионистской деятельности и для раввина Давида Баазова. Он четырнадцатилетним покинул родительский дом в Цхинвали и уехал на учебу сначала в Слуцу, а потом в Вильно. Женился и вернулся в Грузию, открыл первую общеобразовательную школу для еврейских мальчиков. Из маленького городка Они молодой раввин наладил связи со всеми еврейскими организациями, со всеми лидерами евреев в разных странах.

В 1903 году двадцатилетним он принял участие во Всемирном сионистском конгрессе, на котором председательствовал Теодор Герцль. Старший сын равви-

▲ Натан Баазов

на Баазова – Герцель – родился вскоре после смерти великого Герцля, и раввин нарек своего первенца именем вождя сионистского движения. Путь Герцеля Баазова был счастливым и трагичным одновременно. Достигнув известности как писатель-драматург, он попал в жернова сталинского режима.

Известность Герцелю Баазову принесли пьесы, в основу которых был положен быт и история грузинских евреев. Расцвет его таланта совпал с расцветом грузинского театра под руководством выдающегося режиссера Котэ Марджанишвили. Пьесы Баазова часто ставились в Грузии. Они пользовались большим успехом и в других республиках Советского Союза.

Герцель Баазов писал по-грузински, но его проза и пьесы были посвящены исключительно еврейской тематике. Он стал писателем, занявшим почетное место среди литераторов Грузии. Свое последнее произведение Герцель Баазов не успел закончить. Он предполагал создать трилогию, охватывающую историю нескольких поколений грузинских евреев. Была написана только одна книга из этой трилогии – «Петхаин». Так называется и один из кварталов в Тбилиси, где компактно проживают грузинские евреи.

«Мне было чуть меньше четырех, когда он навсегда исчез из моей жизни, ушел в небытие...», - пишет в своей автобиографической книге «Мои еврейские темы» Натан Герцелевич. - Помню ли я его? Очень смутно. Помню большого, улыбчивого человека в сером костюме. Помню множество игрушек, которые у меня появлялись после каждого его приезда из многочисленных командировок. Я рос и с годами привык к стандартным словам «сослан на 10 лет без права переписки». Многие уже знали, что эта формулировка означает расстрел. Отец, согласно картотеке архивов КГБ, был 10 октября 1938 года приговорен к расстрелу. На следую-

ший день приговор привели в исполнение. Он не дожил трех недель и нескольких дней до своего 34-летия. Я до сих пор не знаю, за что он все же пострадал. Да, было обвинение в сионизме. Да, писал на еврейские темы. Да, публиковал очерки о еврейских колхозах в Грузии. Да, был членом правления грузинского отделения землеустройства трудящихся евреев. Всего этого было более чем достаточно для ареста. Возможно, были и доносы».

Герцель Баазов был реабилитирован в 1955 году. Посмертно. В его «деле» не было почти ничего. Все страницы были изъяты.

ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Натан Баазов относится к тем одаренным людям, которых смело можно назвать физико-лириками. Он специалист в области нейтронной физики и магнетизма, на протяжении десятков лет – старший научный сотрудник Института физики АН Грузии, член-корреспондент Инженерной Академии Грузии, он же – известный поэт и переводчик, автор многочисленных книг, член Союза писателей Грузии. За переводы грузинской поэзии удостоен звания лауреата Национальной премии имени Георгия Леонидзе, Государственной премии в области художественной литературы, Кавалер Ордена Чести.

Натана воспитывала мать, Софья. Несмотря на трудности военных и послевоенных лет, благодаря своим уникальным природным способностям и дарованиям, небезызвестную многим школу №43 Натан окончил с золотой медалью, а физико-математический факультет Тбилисского государственного университета

▲ С родителями

– с Красным дипломом.

А еще Натан Герцелевич – коренной тбилисец. И этим он гордится едва ли не больше всех своих почетных наград и званий.

«Я родился в Тбилиси... И не покину его ни при каких обстоятельствах. Потому что это – мой город. Я его люблю и не разлюблю никогда...», пишет он в очерке «Мой родной город».

ЕГО МЕРАНИ

«Всю жизнь я живу на улице Бараташвили, - продолжает он. - Многие годы я хожу по этим улицам, прохожу рядом с памятником и как бы улавливаю информацию, идущую из параллельного мира: «Переводи

мои стихи... Переводи... Переводи...»

Первый перевод «Мерани» он сделал в 1968 году. А затем еще один, и еще, и еще, и еще. За всю жизнь Натан Баазов перевел это едва ли не самое сложное и прекрасное стихотворение грузинской литературы шестьдесят раз.

В 1998 году издательство ТГУ выпустило оригинальную книгу: «Мерани, 30 переводов на русский язык». Редактор сборника Гия Маргвелашвили отобрал для этого издания пятнадцать переводов, выполненных известными русскими и грузинскими поэтами, и пятнадцать переводов, осуществленных Н.Баазовым.

Этот поистине титанический литературный труд привел Маргвелашвили в восторг. «Не верилось, что переводы выполнены одним человеком. Ни одного повтора, ни одного одинакового эпитета, образа, сравнения! Переводы выполнены и в привычных для русской поэзии ритмах, и в ритмах, приближенных к подлиннику», - писал Маргвелашвили в предисловии к сборнику.

Сам же Баазов, передавая свою работу редактору, скромно сказал: «Это стихотворение на русский язык непереводимо!».

В 2003-2004 гг. вышли в свет два издания «Антологии грузинской поэзии XX века». Над этим фолиантом Натан Герцелевич работал не один десяток лет и включил в него 1110 переводов из 230 поэтов. Этот труд Натан посвятил памяти своего отца...

ЕГО ТОЧНОСТЬ И КРАСОТА

В литературоведческих кругах часто высказывалось мнение: точный и красивый перевод поэзии во-

обще неосуществим...

«Точность или красота?» - так Н.Баазов назвал свою объемистую статью о принципах перевода поэзии, напечатанную в газете «Литература и жизнь» в 1960 г. Это стало его профессиональным кредо. «Перевод должен быть поэтичным, сохранять силу эстетического воздействия на читателя, должен быть точным и красивым... Знание языка, талант и время – вот что нужно для создания поэтических переводов, если не идеальных, то весьма близких к ним», утверждает автор.

За годы плодотворной работы Натан Баазов перевел на русский язык едва ли не всех грузинских поэтов – от романтиков XIX в. до своих современников. И

всегда его переводы отличаются разнообразием. Одно ясно – для Натана Баазова в переводах поэзии нет ничего невозможного!

Он – неоднократный участник Международных русско-грузинских поэтических фестивалей, проводимых «Русским клубом». И всегда, гости-поэты, приезжавшие в Грузию из сорока стран мира, относились к нему как-то особенно уважительно. Еще бы – он один перевел и сочинил столько, что хватит на троих!

Следует сказать, что и собственные стихи Натана Герцелевича переводили на грузинский язык его друзья-поэты, например, Додо Гвишиани. На его стихи был создан цикл песен на музыку Нуну Габуния, исполнявшихся на разных сценах Грузии и России.

Для меня же, как для читателя, особенно любимы две его книги. «Книга Любви 1001» и «555 лирических стихотворений». Последняя книга вышла в прошлом году и заслуживает всяческого внимания. В нее вошли 555 стихотворений о любви, созданных в разные годы. И точное число стихотворений, и то, что они напечатаны в алфавитном порядке, разумеется, выдают в Натане Баазове служителя точных наук. Но сами стихи говорят, что он – большой романтик, лирик. Человек с большой душой!

Часть стихов, вошедших в сборник, посвящены супруге Натана Герцелевича – Нонне Нодия, верной подруге и единомышленнице, которая многие годы стоит рядом и поддерживает его во всех начинаниях.

«Без тебя я на свете – ничто. Все – когда мы с тобой вдвоем».

А вот строки из последнего стихотворения в сборнике «Я шел к тебе...»

«Я долго, очень долго шел к тебе...

Была ты рядом, я не знал об этом.

Искал тебя, расспрашивал. Ответом Молчанье было!..

... Я встречи ждал с тобой,

Я шел к тебе сквозь негу и ненастья.

И вот теперь я знаю чувство счастья.

И вот теперь обласкан я судьбой!»

ЕГО БОГ

Рассказывая об этой книге, Натан Баазов подчеркивает: «Бог стоит за всеми моими мыслями и чувствами, за всем тем, что происходит в каждом кадре – миниатюрной пьесе из жизни двух людей... Кроме того, Бог – это и есть Любовь».

Думаю, невозможно столько успевать, думать о таком количестве дел и вещей и столько осуществлять без помощи и благословения свыше. В последние годы главным для Натана Герцелевича стало размышление о Боге. Один из его очерков так и называется, «Мой путь к Богу».

«Мне повезло: сам Давид Баазов выполнил все традиционные религиозные обряды, связанные с моим рождением и совершеннолетием, которое у евреев наступает в тринадцать лет. Через несколько месяцев он скончался...

Мне не повезло: в результате всего этого мой путь к Богу занял почти шесть десятилетий. Случайно это или закономерно, но к существованию Высшего Разума я пришел своим путем.

Меня, как и многих моих современников, воспитывали в духе атеизма. Будучи физиком, я был долго убежден, что все в нашем мире можно объяснить законами некоей Природы. Но, видимо, вера в Бога жила в моих генах, таилась в моем подсознании... Полагаю, она досталась мне в наследство от многих поколений моих глубоко религиозных предков. Тем не менее,

▲ С супругой Нонной

свою религиозность я осознал всего лишь шесть-семь лет назад, когда начал заниматься когнитивной физикой – частью биоэнергоинформатики. Согласно этой науке, Бог – это Вакуумный Супермозг, который все создал».

Один из очерков его книги «Мои еврейские темы» называется «Мое бессмертие». Натан Герцелевич, конечно, человек амбициозный. Но свое бессмертие, равно как и всех остальных он видит совсем в другом.

«Бессмертие каждого человека, живущего на земле, заключается в его вере. Вере – в добро, в любовь, справедливость. Вере в то, что рано или поздно эти качества восторжествуют в мире. Надо жить так, чтобы приближать это время. Но все это – общие, красивые слова, - подумает любой прочитавший. Нет, это – не просто слова! Не согласны? Давайте встретимся через несколько столетий и поговорим, и вы убедитесь в моей правоте».

А знаете что? Натан Баазов – гуманист. И думаю, его «умные старики» им гордятся!

Здоровья и удачи вам, дорогой Натан Герцелевич!

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Находясь в Грузии, Грибоедов встречался с иностранцами, некоторые из которых совершали кратковременное путешествие по Кавказу, другие же состояли на службе, подолгу здесь жили, а иногда и вообще не возвращались к себе на родину.

В 20-х годах в Грузии побывал англичанин Роберт Лайелл (1790-1831) - ботаник и путешественник. Он получил образование в университете Эдинбурга и первые же его труды обратили на себя внимание. Последние годы жизни он провел на острове Св. Маврикия.

Лайелл провел несколько лет в России, где занимался медицинской практикой, изучил русский язык и в нескольких работах изложил свои наблюдения о пребывании в стране. В 1822 году как врач и секретарь он вместе с несколькими высокопоставленными иностранцами (маркиз Пуччи, граф Сала, эсквайр Пенрин) отправился в путешествие по югу России и по Кавказу. Свои путевые заметки по возвращении на родину он тщательно обработал и издал их в 1825 году в Лондоне под названием «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии».

В интересующей нас части книги дается описание мест, лежащих по Военно-Грузинской дороге, идет речь о столице Грузии.

Но помимо этого, описывается Кахетия, т.е. та часть страны, где иностранцы бывали значительно реже. Именно во время этой поездки, Лайелл познакомился с Грибоедовым, который тогда находился в Грузии и состоял при генерале Ермолове секретарем по иностранной части.

«22 июня в сопровождении господина Грибоедова мы выехали из Тифлиса с целью совершить небольшую поездку по Кахетии», - пишет Лайелл в своей книге. К фамилии Грибоедова он тут же делает сноску и объясняет, что она означает «едок грибов» (по-английски «mushroom-eater»).

О самом Грибоедове Лайелл пишет с большим уважением, отмечает, что он знает персидский, интересуется другими восточными языками, а также серьезно изучает вопросы, связанные с Кавказом и населяющими его разнообразными народностями.

В этих наблюдениях английский автор правильно подчеркивает интересы и направленность занятий Грибоедова. Как раз в это время он усиленно занимался восточными языками. В своем биографическом очерке Д.Г. Эристов (Эристави) писал, что писатель, находясь в Грузии как чиновник по дипломатической части при Ермолове, «не оставлял занятий персидским языком; за неимением хорошего руководителя, Грибоедов должен был заниматься с известным целому Тифлису банщиком Машади, которого русские прозвали Иваном Ивановичем».

Это вполне совпадает с тем, что писал Н.Н. Муравьев-Карский в своих записках (2-го февраля 1822 г., Тифлис): «Пришел ко мне обедать Грибоедов; после обеда мы сели заниматься и просидели до половины одиннадцатого часа: я учил его по-турецки, а он меня по-персидски... Он в точности знает язык персидский и занимается арабским». Приведем и выдержки из официальных документов. Так, Ермолов, ходатайствуя о том, чтобы Грибоедов остался при нем секретарем по иностранной части, писал Нессельроде, что «он зна-

▲ Александр Грибоедов

ет хорошо и в правилах персидский язык» и переводит важнейшие бумаги. А в другом послании Ермолова сказано, что Грибоедов «при склонности его к изучению восточных языков, начал уже заниматься арабским» и со временем ему можно будет препоручить «заведование школой восточных языков».

Не исключена возможность, что Лайелл мог получить от Грибоедова сведения о мероприятиях правительства, в частности, о деятельности и планах Ермолова. В книге английского путешественника сказано: «Тифлис в своем благоустройстве многим обязан Ермолову. Он хочет сделать его большим пакгаузом между южными, восточными странами мира и Россией». Для этого уже строятся новые лавки, исправляются базары.

Поездка по Кахетии была недолгой, но очень насыщенной впечатлениями, Лайелл и его высокопоставленные спутники проехали Гомбори, Телави, Кварели, осмотрели ряд исторических памятников, побывали в поместьях князей Джорджадзе, Чавчавадзе, Чолокашвили. Лайелл восхищается красотой природы, Алазанской долиной, местоположением соборов Греми и Алаверди. Ему очень понравился Телави и по этому поводу он пишет: «Ясно, что царь Ираклий обладал хорошим вкусом, ибо одной из его резиденций было столь прекрасное место, как Телави».

Помимо собственных впечатлений, Лайелл приводит в своей книге выдержки из многочисленных источников: из древних авторов, из описаний путешественников – Шардена, Гюльденштедта, Джонсона, Кер-Портера и других.

Ученый путешественник интересовался не только памятниками старины, но и современной жизнью. Он пишет о кахетинском вине, которое хвалит и сравнивает с французским бургундским вином, описывает способ хранения вина в глиняных кувшинах, закопанных в землю. Его поражает дешевизна жизни в Грузии. Он пишет о колонии вюртембергских немцев, которые успешно вели здесь свое хозяйство.

Очень последовательно изложенные заметки Лайелла дают полное представление о маршруте путешествия и о лицах, с которыми он встречался. Книга читается легко, с интересом и в свое время она, несомненно, была полезным источником сведений для людей, заинтересованных проблемами Грузии и Кавказа.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

▲ Наталья Орловская

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Мы знали, что профессору Наталье Константиновне Орловской много лет, а по отмеренным человеку всего нескольким десятилетиям, даже очень много. Но когда она ушла этой весной (а произносилось именно «ушла»), все близкие были не просто опечалены, а удивлены, как будто на нее не действовали законы брэнного существования. Она стала постоянной величиной в нашей жизни – в жизни нескольких поколений ее студентов, студентов уже ее студентов, коллег, читателей и просто жителей Сололаки, да и всего Тбилиси, даже не причастных к литературе. Наталья Константиновна и была постоянным высоким примером, недоступным в своем неторопливом и благородном, уникальном по интеллекту, отличном от любой обыденности мире.

Уже само имя, фамилия и отчество торжественны, благородны и неторопливы – Наталья Константиновна Орловская. Их не произнесешь скороговоркой, следует прочувствовать и проникнуться уважением. Какой генетический сплав должен был участвовать в создании этой необыкновенной женщины! Подобный сплав органично возникал лишь в немногих местах нашей планеты, и одно из них – Тбилиси. Польский прадед – Константин Иванович Орловский, прибыв в Грузию, не просто вписался в жизнь страны, а с 1860 по 1876 годы был Губернатором Тифлисской губернии. Его сын получил юридическое образование в Петербурге и работал там, но вернулся в уже родную для него Грузию. Отец Константин Валерианович окончил Институт путей сообщения, который выпускал элиту тогдашних инженеров. Дед со стороны мамы, Надежды Константиновны Надеждиной, принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, потом получил назначение в Карс, женился и остался на Кавказе. Еще один предок был чехом по происхождению.

Дома говорили по-французски, а английский Наташа Орловская начала учить в 8 лет. Немецкий добавился в университете и аспирантуре. Итальянским занималась самостоятельно. Западноевропейскую филологию сту-

дентка изучала в Тбилисском университете по-грузински. На стыке культур рождаются многие ценности, и именно в Наталье Константиновне соединилось их столько, что она свободно в своем преподавании и исследовании переходила из давних эпох в современную, от одной литературы к иной, с одного языка на другой.

В этот хор культур включилось консерваторское образование, которое позволяло исполнять сложнейшие произведения мировой классики на фортепиано. Вряд ли в новом поколении, хотя оно и славится знанием языков, может родиться человек со столь многосторонним и фундаментальным образованием. Руководителем юного ученого в аспирантуре стал академик Шалва Нуцубидзе. Казалось бы, он был исследователем в иной области, но малоизученные в те годы литературные взаимосвязи, восприятие грузинской литературы за рубежом, стали точкой соприкосновения выдающегося переводчика и его подопечной. А много позже Ш.Нуцубидзе решил ввернуть свою дочь Тamar Орловской как руководителю диссертации.

Книга «Грузия в литературах Западной Европы XVII-XVIII веков» стала докторской Натальи Константиновны, а вторая часть, вышедшая отдельной монографией в 1986 году, была посвящена взаимопересекающемуся явлению – восприятию европейской литературы в Грузии.

Институт рукописей, многочисленные архивы, литературные и языковедческие институты – таков спектр интересов и деятельности Натальи Орловской, ее привычная среда обитания. А в целом – глубины человеческого интеллекта и художественного творчества, будь то переводы Шекспира Иванэ Мачабели или французские переводы лермонтовского «Демона», или стиль У.Теккерера, или воспоминания европейских путешественников о Грузии, или интерес к деятельности грузинских царевичей в Москве и Петербурге.

Профессор Орловская в наши уже далекие студенческие времена вела курс истории зарубежной литературы XVII-XIX веков. Она неторопливо, но зато навсегда вводила нас в мир английского и французского классицизма, сентиментализма и романтизма. И сама она – словно представитель эпохи Просвещения, своей любимой эпохи. Ее гении считали, что разум спасет мир, а грехи и преступления происходят от невежества. Эта наивная уверенность жила и в Наталье Константиновне, которая никогда не взрывалась, не боролась, а учила своим примером. Но сколько душевной силы в этой наивной уверенности, и как редка она сегодня! Наталья Орловской, как и всем ее современникам, довелось жить отнюдь не в эпоху Просвещения, а в страшные 1930-е, в жестокие военные и послевоенные годы. И испытать на себе идеологический пресс соцреализма. Лишь самым стойким личностям удалось работать в гуманитарной области, не запятнав себя, не участвуя в идеологической травле или не испытать ее на себе в полной мере. Именно в полной мере, потому что и Наталье Константиновне довелось защищать свою позицию литератора в сложнейшей ситуации. И при этом, перечитывая работы профессора Орловской, нигде не встречаешь реверансов власти. Это высокий дар.

Скрупулезная, неустанная работа с полной отдачей продолжалась и в страшные 1990-е годы, и до этого, 2014 года. Рассказывали, что в 90-е, когда мало кто засиживался в читальнях, Наталью Константиновну чуть не заперли на ночь в библиотеке Академии наук Грузии – в зале она находилась одна. А в библиотеку можно было добраться лишь пешком.

Хочется верить, что Наталья Константиновна была

счастлива. Ощущая любовь и признание нескольких поколений. В 2010 году в Тбилисском Государственном университете состоялась научная сессия, посвященная 70-летию научной и педагогической деятельности профессора Орловской (не подчеркивали, что автору трудов – девяносто). Ее вела декан гуманитарного факультета профессор Дареджан Твалтавадзе, открывшая торжественную часть. Педагогическую и научную деятельность юбиляра осветил инициатор сессии и один из верных учеников юбиляра профессор Заза Гачечиладзе. Многогранность деятельности Натальи Орловской предстала в нескольких выступлениях коллег разных поколений. Профессор Тамара Нуцибидзе Наталью Орловскую как талантливую ученицу своего выдающегося отца. Профессор Элгуджа Хинтибидзе посвятил свое выступление роли ученого в исследовании грузино-западноевропейских взаимосвязей. С воспоминаниями о Наталье Константиновне – педагоге выступили профессор Русудан Энукидзе и Русудан Цихитатришвили.

А от имени Кутаисского университета юбиляра приветствовали профессора западноевропейского отделения Ираклий Цхведиани и Нанули Какулия. Они вручили Натальи Орловской диплом почетного доктора Кутаисского университета им. Акакия Церетели. Это звание было присуждено за совокупность научной деятельности и вклад в подготовку научных кадров вуза – 5 профессоров университета защитили диссертации под руководством тбилисского ученого.

Президент чешского землячества в Грузии «Злата Прага» Гарольд Шмальцель рассказал о предке Натальи Орловской чехе Иване Антоновиче Прибиль. Он прибыл в Грузию в качестве военного врача, остался здесь навсегда и связал свою судьбу с грузинкой, стал одним из основоположников Тифлисского Военного госпиталя. Его старшая дочь вышла замуж за поляка Константина Ивановича Орловского.

По окончании торжественной части состоялась научная сессия, на двух лекциях которой были зачитаны доклады по широкому спектру проблем европейских литератур и литературных взаимосвязей. Таким образом, юбилейная встреча стала новым вкладом в литературоведение Грузии.

В прошлом году профессору Орловской в Тбилисском университете вручали медаль университета, и снова восхищенные коллеги организовали торжественную сессию, отметив необычный масштаб ученого и вклад в грузинскую и мировую филологию.

Сама Наталья Константиновна продолжала преподавать и писать – выступать перед студентами чуть ли не 73-й «сезон». И в этом году, как выяснилось, уже безнадежно больная, она пыталась собрать силы и начать новый семестр.

Вспоминаются встречи с профессором Орловской последних лет. В прошлом году, в июле, всего несколько месяцев назад, VI Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «Во весь голос» в Тбилиси открылся презентацией книги Натальи Орловской «Очерки по вопросам литературных взаимосвязей». Автор выступила на двух языках, не заглядывая в бумаги, наизусть помня весь текст пятисот страничного тома, в который вошли ее исследования – от программного аналитического обзора «Грузия как тема в европейской художественной литературе» до филигранно детализированных статей о Шекспире, Золя, Жюлье Верне, Гамсуне, английских, французских и американских авторов в их многомерных сопряжениях с Грузией. Поэты и ученые – представители нескольких континентов были потрясены ее

блестящей речью, чувством меры, юмором, способностью ощущать давние эпохи и быть современной. Автору исполнилось уже 93 года.

На Международной толстовской конференции «Война или мир?», организованной «Русским клубом», Наталья Константиновна, в отличие от некоторых докладчиков, ни на минуту не превысила регламента и заявила: «Я не буду утомлять присутствующих, представлю неизвестные моменты о корреспондентах Льва Николаевича, посылавших ему материалы для «Хаджи-Мурата». Зал был поражен изяществом выступления и совершенно новыми для толстоведения данными.

Несколько лет назад в Драматическом театре имени А.С. Грибоедова состоялся вечер памяти известного филолога и поэта Константина Герасимова и презентация его книги, подготовленной учениками. Наталья Константиновна начала свое выступление словами: «К сожалению, я здесь единственная из преподавателей Котика Герасимова...» А потом рассказала о его студенческих годах и курсовой работе, написанной под ее руководством. Конечно, Герасимов был ярким студентом. Однако его курсовая была выполнена 60 лет назад...

Навсегда врезался в память еще один эпизод. В дни тбилисской войны 1991-1992 годов я оказалась в эпицентре событий. В доме в первый же день, 22 декабря, автоматной очередью выбили все стекла, во дворе расположился штаб боевиков, мы были в состоянии шока. С улицы постучали в дверь. Я боялась подойти. Раздался голос: «Я зав. кафедрой английского языка Заза Гачечиладзе. Меня прислала Наталья Константиновна...» Оказалось, что Заза должен вот-вот защитить докторскую, да вот оппонент вряд ли приедет в военный город, а я к тому времени уже была доктором наук, и Наталья Константиновна рекомендовала обратиться ко мне. Мы с Зазой сидели на полу – встать было невозможно – в комнату залетали пули, одна из них просвистела над головой. И диссертант – любимец профессора Орловской – поведал мне об исследовании Чосера, он только что занес хлеб своей учительнице и с ней оговаривал детали защиты. Я пыталась выйти из шока, но не могла. Кстати, защита состоялась, и мне довелось стать оппонентом. Сейчас я думаю: может быть, так и надо – под пулями обсуждать английского поэта из глубины веков, в 93 года издавать новый фолиант и рассказывать о нем на нескольких языках... И поддерживать дух в тех, кто гонится во внуки. Хочется, ох, как хочется верить в то, что семь десятилетий непрерывной творческой деятельности – это норма. Но это удел избранных...

Своей необыкновенной стойкостью, скромной стойкостью истинного интеллигента Наталья Константиновна вдохновляла своих учеников, младших коллег, друзей, детей, внуков и правнуков этих друзей. Я как-то писала, что пока живы столь редкие, как профессор Орловская, люди, мир еще стоит на «своих ногах». Она из тех людей, к которым хочется молча прислониться и поверить, что в стремительно меняющейся жизни есть стабильные ценности. Ведь если сегодня раздаются голоса, что те, кому старше сорока, безнадежно устарели, а Наталью Константиновну восьмой десяток лет продолжают приглашать для чтения лекций, значит, она нужна... Сейчас ее нет с нами, но память о ней будет помогать нам устоять. Она была живая легендой, одним из последних представителей великого давнего мира. Родному городу и району Сололаки, по которому она шла своей размеренной походкой, очень будет не хватать Натальи Константиновны.

Мария ФИЛИНА

НЕПОВТОРИМАЯ МАЙЯ

*Майя уже не с нами...
Ушел человек необычайной
доброты, широчайших
знаний. Вместе с ней ушло
и ее время. Не «эпоха»,
как говорят в подобных
случаях, а ее личный,
уникальный «хронотоп», ее
собственный отбор времен,
людей, событий... Весь ее
удивительный мир.*

Мы не просто беседовали в ее крошечной комнате, полной книг, журналов, рукописей. Мы бродили... По тифлисским базарам, караван-сараям, садам, пересекали Куру на давно исчезнувшем пароме... И наивно верилось, что оно будет всегда – это наше уютное сидение друг против друга у включенной ради тепла электрической плитки, это наше негромкое журчание обо всем на свете, прерываемое иногда ее любимой телевизионной программой «Особое мнение». Куда только не заводила ее речь. И во времена правления царицы Тамары, и в покои Анны Иоанновны, и в эпоху первых Крестовых походов. Но чаще всего – в неизвестные мне дворы и закоулки старого Тифлиса, озвученные голосами Азизы и Скандарнова. «Вам обязательно надо пойти на улицу Маркиза Паулуччи», – говорила она мне с лукавой улыбкой. – «И не забудьте, что теперь это улица Хаханашвили». А далее (в который раз!) следовало подробное описание маршрута и целый каскад старых наименований – улиц, тупиков, переулков.

Уходя в тифлискую старину, Майя непременно находила в ней что-то актуальное и на сегодняшний день. Наблюдая, как рушат напротив Мухранские дома старой, кирпичной кладки, она вспоминала, что в начале девятнадцатого столетия городским головой была учреждена специальная комиссия, запрещающая самовольное строительство, уродующее самобытный образ города. Она могла объяснить происхождение многих, сохранившихся до наших дней, старых топонимов. Так, например, Багеби – это грузинское слово «ბაგები» с русским акцентом, в свое время там находились сады, царские угодья. Дезертирка, Нахаловка, Солдатский базар... Тифлис еще более старый: «Дома стояли так близко, – говорила она, – что можно было ходить в гости друг к другу по крышам. И это было удобно – в Тиф-

▲ Майя Бирюкова

лисе того времени, как и во многих городах Европы, улицы были немощеными, а в плохую погоду и вовсе непроходимыми. Может поэтому царица Текла любила ездить по городу верхом, а не только потому, что была сорванцом, თუკლე-ბიჭი, как называл ее отец».

И при этом ни одной нотки ностальгического отчаянья – мол, все это прошло и никогда больше не вернется... Время жило в Майе живым, теплым, и таким же она подавала его – полным воздуха, запахов, звуков, возбуждая острый интерес к улицам, которые многие из нас никогда не видели, к людям, которых мы никогда не знали. Ольгинская, Мадатовская, Вельяминовская, караван-сарай Арцруни, Тамамшева, Тбилели... В устах Майи это были не просто названия, а вехи, отмечающие необратимые изменения в облике города, в его привычной атмосфере, образе жизни и мироощущении его обитателей. По этому, глубоко впечатанному в ее сознание «бедкеру», она могла, не выходя из комнаты, часами водить вас по городу, по ходу вспоминая известных врачей, адвокатов, общественных деятелей, певцов, актеров... При этом как бы постоянно присутствовал неотъемлемый от тогдашних улиц звуковой фон – крики стекольщиков, керосинщиков, продавцов цветочной земли... Помню, что одна из наших бесед была полностью посвящена знаменитым портным, портнихам и шляпницам.

Но самыми любимыми персонажами Майиных воспоминаний были, конечно же, писатели и поэты, а вместе с ними все обитатели ее второго и, пожалуй, самого главного дома – издательства «Мерани». Слова «редактор», «переводчик» вряд ли способны полностью объяснить все сделанное Майей для того, чтобы любимая ею грузинская литература стала достойным русскому читателю, а лучшие образцы русской прозы и поэзии – в особенности произведения представителей

Серебряного века – обрели широкую известность в Грузии.

Безукоризненное качество ее переводов определялось не только неустанной практикой и многолетним кропотливым оттачиванием мастерства. То, чем владела Майя, приобрести было невозможно. Чистой органикой, природная способность дойти до самых потаенных смысловых и эмоциональных глубин авторского текста. И касается это не только переводов грузинской классики и фольклора, но и произведений молодых авторов, с характерным для них синтезом литературного языка и современного сленга. Лучший пример тому – переводы повестей Зазы Бурчуладзе «Минеральный джаз» и «Растворимый Кафка». Впечатление такое, что переводы эти сделаны ровесником автора, владеющим тем же словарным запасом и теми же специфическими речевыми оборотами, а не человеком значительно старше и, при этом, пятнадцать лет не покидавшим пределов своей квартиры. Порой казалось, что для Майи не существует никаких преград, что ей известны какие-то таинственные «сим-симы» и «сезамы» мгновенно открывающие доступ к неисчерпаемым запасам заветных слов, идиом, синонимов...

А как щедро она делилась с нами своими профессиональными навыками, знанием, талантом. Помогая мне составлять первый сборник, она советовала не торопиться, пока не возникнут главные, «опорные», как она говорила, стихи. От которых, как бы «волнами» будут расходиться все остальные. И еще ценнейший совет: располагать стихи не в хронологическом порядке, а «симфонически», чтобы весь сборник воспринимался, как единое смысловое и музыкальное целое, завершающееся своеобразной стихотворной «кодой».

Трудно представить жизненную ситуацию более тяжелой, чем та, в которой оказалась Майя. Но имен-

но случившаяся с ней катастрофа ярче всего выявила несгибаемость ее воли. Свой крест она несла с поразительным мужеством. Сама обустроила свой быт. Любила гостей. Каждый год двадцать восьмого августа справляла свой день рожденья. Для нас, ее друзей, это был один из самых радостных дней в году. Выказать ей сочувствие – язык не поворачивался. Жалости к себе она не допускала. Не любила и слов благодарности. Сразу же обрывала – «это не наш разговор». Творить добро, радоваться успехам друзей, вселять в человека чувство уверенности, наставлять его – все это было для нее чем-то абсолютно естественным, потребностью души. Даже в последний год своей жизни, когда она уже была окончательно прикована к своему дивану, Майя ни разу не пожаловалась. О том, что ей плохо,

...Влюбленная в грузинскую литературу, она всю свою сознательную жизнь посвятила служению ей и ее популяризации...

Коллеги знали ее как человека очень скромного, энергичного, эрудированного, в высшей степени благожелательного и преданного своему делу.

Под ее пером зазвучало на русском языке множество произведений грузинских писателей...

«Человек ли он?», «Записки путника», «У виселицы» Ильи Чавчавадзе, «Роман жизни Гете» Константины Гамсахурдиа, «Золотая рыбка» Арчила Сулакаури, рассказы Чабуа Амирэджиби, Резо Мишвеладзе, Дэмны Шенгелая, пьесы Шалвы Дадиани – лишь малая часть ее переводов...

В этих работах явственно проявились изысканный литературный вкус и чутье Майи Бирюковой...

Она была награждена премией Союза писателей Грузии.

Грузинские писатели всегда будут помнить Майю Бирюкову, прекрасную переводчицу, благородного, достойного человека.

Союз писателей Грузии

можно было догадаться по непривычной «трещинке» в голосе. И даже в последние месяцы, когда болезнь уверенно добивала ее, она продолжала верить в свои силы, верить в то, что сумеет справиться... И мы тоже пытались в это поверить. Но чудо так и не случилось.

У Михаила Квливидзе есть стихотворение, трагические нотки которого обрели в наше время особое звучание. Это стихотворение-реквием. Посвящено оно человеку, который, уйдя из жизни, унес с собой и частицу города. И люди, близко знавшие его, сразу же почувствовали, что стало как-то холодней, уютней. Майя – одна из последних, таких же незаменимых, таких же неповторимых людей. Чтобы возник такой человек, нужны те же люди, которые его воспитали, те же учителя, тот же круг друзей, те же книги... И тот же город.

Паола УРУШАДЗЕ

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

Памяти Майи Бирюковой

Сверкает шелк, стекая
К тюльпанам и левкою...
Лежишь – уже другая –
Тихонько привыкая
К нежданному покою.

Запас тепла и света –
Лишь им была богата, –
А нам с тобой беседа
Была дороже злата.

Не дожила до мая...
В раю твой май, родная,
Там будешь в том же ранге,
В каком была – живая:
Волшебница и ангел...

Шли люди вереницей.
Твой дом им был теплицей –
Твои глаза их грели.
С такой душой родиться...
Так уходить... в апреле...

Перевод Паолы Урушадзе

▲ Медея Абашидзе

СВЕЧИ ВОСПОМИНАНИЙ

Прощания, расставания всегда больно отражаются в сердцах любящих людей, но когда это касается такой незаурядной личности, как Медея Абашидзе, боль становится невыносимой. «Не верю, не верю, как все-таки жизнь несправедлива», - написал ее петербургский коллега, узнав о случившемся. В расцвете творческих сил безвременно ушла из жизни доктор истории, ученый секретарь Комиссии по источникам истории Грузии Президиума Академии наук Медея Абашидзе.

Велика заслуга Медеи в деле становления и популяризации Комиссии по источникам истории Грузии, весомый вклад внесла она в дело подготовки и издания грузинского текста, русского и английского переводов «Картлис цховреба» (главный редактор академик Роин Метрели).

Ей принадлежат более 50 статей, монографий, переводов, опубликованных в издаваемом Комиссией сборнике «Источниковедческие изыскания», в русских, грузинских и иностранных журналах. Ее статьи, посвященные теоретическим и практическим аспектам переводов, заслужили высокую оценку Юджина Найдя (США), известного ученого, занимающегося теоретическими вопросами переводов библейских текстов. Она вошла в библиографический справочник США «Who is who», в библиографический справочник США «Outstanding women».

Стройная, наделенная прекрасной внешностью, обаятельная, с аристократическими манерами, гордая, многосторонне образованная, в совершенстве владеющая русским и европейскими языками, Медея всегда была в центре внимания. «Очаровательной Медеи Абашидзе от очарованного скомороха», - надписал свою

книгу Котэ Махарадзе после общения с ней. Написанная Абашидзе рецензия на спектакль «Обитель одиночества» заслужила всеобщее признание.

Медея родилась в аристократической семье, где бережно хранится фамильный герб, икона Божьей Матери, подаренная бабушкой М.Багратиони и документы.

Учебу в институте она совмещала с работой в издательстве «Сабчота Сакартвело» и проявила такие способности и знания, что ее еще студенткой перевели редактором в главную редакцию.

По окончании института Медею пригласили ученым секретарем во вновь созданную Комиссию по источникам истории Грузии Президиума АН Грузии, где она работала со дня становления комиссии до последних дней.

В Клубе молодых ученых Медея Абашидзе руководила секцией эстетики, под эгидой которой устраивались интересные встречи, музыкальные вечера, культурные мероприятия. По ее инициативе гостем клуба стал известный философ Мераб Мамардашвили. Несмотря на предупреждения, что в связи с этим могут быть неприятности, Медея настояла на своем. Состоялся замечательный вечер. Клуб не мог вместить всех грузинских и иностранных гостей, желающих послушать выдающегося ученого. Стараниями Медеи Клуб стал местом встреч деятелей культуры, выдающихся музыкантов, поэтов и писателей, среди которых были известные актеры А.Ширвиндт и А.Мионов, Ангелина Степанова, В.Вульф, Игорь Васильев и др. После закрытия Клуба встречи переместились в дом Абашидзе, где прошел замечательный вечер с участием актеров Малого Театра Юрия Соломина и Коршунова. Они долгие годы вспоминали то эстетическое наслаждение, полученное от общения с интеллигентными талантливыми людьми в доме-салоне Абашидзе, как его окрестили, где музыкальные номера (И.Иашвили – скрипка, М.Паниашвили – клавишин) перемежались с чтением стихов, интересными рассказами (Г.Чарквиани, В.Котетишвили, Г.Сагарадзе и другие представители грузинской интеллигенции).

В сферу интересов Медеи входили вопросы истории, философии, экологии, физики, литературы и искусства, много внимания уделяла она истории религии и святому писанию, агиографической литературе.

Как профессор она вела курс лекций по экологии и религии в Грузинском университете имени Андрея Первозванного Патриархии Грузии, читала лекции по истории Грузии на английском языке в Тбилисском государственном университете им. Джавахишвили, в Институте Азии и Африки, в Испании, в университете Беркли (Калифорния, США), профессор Лю Ланкастер (США) предложил ей возглавить секцию Кавказа в ICAI (Электронный культурный Атлас мира), редактором которого она являлась до последних дней.

Медея Абашидзе была инициатором Международного форума «Диалог культур», организованного фондом Э.Шеварднадзе и ЮНЕСКО.

В 1991 году Абашидзе при содействии известного социолога Игоря Бестужева-Лады, инициировали создание Грузинской ассоциации Римского клуба, бессменным Генеральным секретарем которого была Медея Абашидзе (президентом – академик Л.Алексидзе).

В 1998 году Медея победила в конкурсе и стала стипендиатом Kennan Institute Woodrow Wilson Center (Вашингтон, США), где разрабатывала тему о культурных традициях Кавказа, работала в Библиотеке Конгресса

▲ С Ниной Уордроп

с иностранными источниками о Грузии, пополнила ее грузинскими изданиями, перевела на английский язык гимнографический текст царя Деметре I «Шен хар венахи». Институт нанял ей квартиру в Вашингтоне, в семье Д. Чавчавадзе, единственного прямого потомка А. Чавчавадзе, который передал ей написанную им книгу о связях грузинских царских и княжеских династий с царскими семьями европейских государств, с трогательной надписью. Медея не успела завершить перевод книги Д. Чавчавадзе, написанной на английском языке «Crowns Frenchcoats». Ее студенты и друзья собираются завершить перевод книги.

В 2004 году по приглашению английских коллег участвовала в проекте Британско-Грузинской академии наук, где вместе с английским партнером, разрабатывала тему о святых местах Грузии и святых царях. Составленная ею карта святых мест Грузии вошла в Международный электронный атлас.

В Оксфорде Медея встретила с Ниной Уордроп, дочерью Оливера Уордроп, она передала ей рукопись Марджори Уордроп «Путешествие по Грузии. Зарисовки», которую Медея вместе с Г. Джохадзе перевела на грузинский язык и снабдила предисловием и научными комментариями (изд. АН Грузии). В Англии много работала в Бодлеанской библиотеке, откуда привезла массу иностранных материалов по истории, религии и культуре Грузии, в том числе историю Грузии Черкезишвили, дополненную Молланом по иностранным источникам. При содействии Британской Академии наук и Н. Уордроп отыскала в одном из музеев нагрудный крест последнего царя Грузии Георгия XII, отсняла и описала его, вела переговоры о его выставке в Грузии, ознакомилась с медальоном царицы Кетеван, искала платье царицы Тамар, которое по предположению Григола Перадзе, должно находиться в Оксфорде.

Медея перевела, снабдила комментариями и подготовила к изданию интересный труд крон-принца Иордании, его высочества Хасан Бин Талала «Христианство в арабском мире» (изд. фонда Патриархии).

Она выступала с лекциями и докладами во многих

странах, достойно представила Грузию на Экономическом форуме в Кринице (Польша).

Дружеские и научные отношения связывали Медею с Россией. Диссертационная тема о теоретических и практических аспектах перевода, которую она защитила в 1990 г., разрабатывалась в России и Грузии. Книга «Источниковедческие аспекты перевода грузинских исторических источников на русский язык» вызвала положительный отклик как в России, так и в Грузии. «Нужная, интересная книга», - писал проф. Пушкарёв о книге Медеи.

Она была неременным участником Бартольдовских чтений в Москве, заслужила награду за лучший доклад. Вместе с русскими и американскими учеными готовила проект по образованию «Учение через биографии».

Особо теплые отношения связывали ее с «Русским клубом», а журнал «Русский клуб» стал одним из любимых изданий Президиума АН Грузии. Ее статья о П. Флоренском в журнале «Русский клуб» вызвала широкий резонанс в научных и общественных кругах. Статью затребовали сразу несколько стран (Россия, США и Англия), в энциклопедии Грузии готовят к изданию переданный ею краткий грузинский вариант статьи. Есть что-то мистическое в том, что статью о Флоренском

(2012 г.) она закончила словами отца Павла: «Жизненная задача не в том, чтобы прожить без тревог, а в том, чтобы прожить достойно и не быть пустым местом и балластом своей страны». В этих словах отразилось ее жизненное кредо.

Медея достойно прожила свою жизнь.

Патриарх Илия II прислал теплое письмо соболезнование семье погибшей.

Дорогой любимый человек, неповторимая Медея, принцесса, как ее часто называли, мы не прощаемся с тобой, ты всегда будешь с нами, как светлый луч, освещающий дорогу жизни.

И да пусть всегда горят и не гаснут свечи воспоминаний.

Сотрудники Академии Наук Грузии, друзья, коллеги и студенты Медеи Абашидзе

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

1512-2972